

ОБЕЩАЙ, ЧТО НИКОМУ НЕ СКАЖЕШЬ

*Если я покажу тебе мой секрет,
обещай никому не говорить.
Мы должна поклясться!*

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Дженнифер Макмахон

Обещай, что никому не скажешь

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Макмахон Д.

Обещай, что никому не скажешь / Д. Макмахон —
«Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-92363-2

Кейт Сайфер возвращается в город своего детства, чтобы присматривать за пожилой матерью, но сталкивается с неожиданно враждебным отношением местных жителей. Оказывается, недавно в окрестностях была убита девочка, и ее смерть подозрительно похожа на несчастный случай, который произошел много лет назад с Дел Гризуолд, одноклассницей Кейт. Эта история положила начало городской легенде о загадочной Картофельной девочке, которая бродит в одиночестве по лесам. Кейт, конечно, не верит в призраков, но когда Ник, старший брат Дел, приходит к ней и просит связаться с погибшей сестрой, здравый рассудок Кейт подвергается серьезному испытанию.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-92363-2

© Макмахон Д., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Тогда и теперь	10
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дженнифер Макмахон

Обещай, что никому не скажешь

Jennifer McMahon
Promise not to Tell

© Савельев К., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

Пролог

7 ноября 2002 года

21.30

– После смерти Картофельной Девочки убийца вырезал ее сердце. Он закопал его, но на следующий день она восстала *на том же самом месте*. – Для большей убедительности Райан ткнул палкой в костер, и в ночи рассыпался дождь искр.

Опал незаметно придвинулась к Райану. Ему было пятнадцать лет; красивый паренек, на фермерский манер. Тори говорила, что Райан просто без ума от Опал. Это Тори все устроила. Она сказала, что будет очень весело отправиться в лес и устроить посиделки со старшими ребятами. Опал немного нервничала, она еще никогда не целовалась с мальчишками, но не собиралась никому признаваться в этом, даже своей лучшей подруге.

– Что, прямо как зомби? – спросила Тори.

Опал молчала. Она ненавидела истории о Картофельной Девочке. Ненавидела, поскольку знала, что все это правда, а не выдумка.

– Да, вернулась из мертвых, словно зомби. Это как с картофелиной. Разрежь ее на части и закопай любую, – даже кусок кожуры с глазками, – и вырастет новая картошка. – Райан с треском сломал палку и бросил ее в костер.

Опал поежилась. Она вспомнила о визите, который нанесла сегодня днем. Нет, лучше не думать о таких вещах. И уж точно она не собиралась ничего рассказывать остальным. Еще решат, что она врет, или сошла с ума, или того и другого понемножку.

– И теперь она бродит по лесу, – добавил Сэм. – Знаете, как можно угадать, когда она рядом? По запаху. Такая вонь, как от гнилой картошки. Вы можете учуять ее за сотню футов.

– Ох, пажа-алуста! – Тори закатила глаза. Сэм был парнем как раз в ее духе.

– Давайте начистоту: вы не верите, что Картофельная Девочка настоящая? – спросил Райан.

– Я знаю, что она когда-то существовала на самом деле. Моя мама ходила вместе с ней в школу. Она была просто бедным ребенком, и ее убили, а вся эта ерунда насчет призрака... называйте, как хотите. Это все местные байки.

– Господи, Тори, ты забыла, что Дэн и Крис видели ее прямо здесь на прошлой неделе? – вмешалась Опал. – А как насчет Джейни, младшей сестры Бекки Шеридан? Она говорит, что Картофельная Девочка встретила ее на старом поле Гризуолда и заперла в овощном погребе.

«И как насчет меня?» – подумала Опал.

– Вы, ребята, когда-нибудь повзрослеете? Дэн и Крис, как обычно, были под кайфом, а Джейни просто болталась без дела и застряла в погребе. – Тори раскинула руки в победном жесте.

– Ну-ну, – пробурчала Опал. – Дверь была заперта на задвижку снаружи. Интересно, как это ей удалось?

– Я просто говорю, что любую фигню можно объяснить.

– А я говорю, что некоторую фигню объяснить невозможно, – отозвалась Опал.

Она знала, что Тори все еще злится на нее из-за куртки. Раньше, еще до встречи с ребятами, Тори обнаружила, что Опал без спросу взяла ее дорожную куртку. Это само по себе было не очень-то хорошо, но что еще хуже, Опал не сняла куртку, когда укрепляла цепь на своем велосипеде. Тори пришла в ярость, когда увидела жирное пятно от смазки на левом рукаве. Опал пришлось пообещать, что она отдаст куртку в химчистку и заплатит за это из своих карманных денег. А Тори сможет носить ее куртку. Правда, эта куртка тоже не вполне принадлежала ей. Речь шла о самой старой и любимой куртке ее матери, которую Опал одал-

живала без спросу, что теперь ей даже запретили к ней прикасаться. Куртка из светло-коричневой замши с бахромой на подоле и рукавах. Женская ковбойская куртка для рок-звезды, и Опал приходилось признать, что она куда лучше смотрелась на Тори, которая была немного старше и фигура у нее была хоть куда. Обе девочки носили одинаковую стрижку (они ходили в парикмахерскую Ширли на окраине города), и обе были блондинками, но на этом сходство заканчивалось. Опал знала, что из них двоих именно Тори была хорошенькой – на нее засматривались парни. По правде говоря, большую часть времени ее это не заботило. Она имела куда более веские причины для беспокойства, чем внимание мальчиков.

Опал знала, что ее привычка брать вещи без спросу раздражает людей и что когда-нибудь у нее будут настоящие неприятности из-за этого, но никак не могла удержаться. В половине случаев она даже не сознавала, как у нее это получается, – как в тот вечер, когда она взяла дорожную куртку Тори и почти дошла до дома, прежде чем поняла, что на ней надето. У каждого есть свои недостатки. Некоторые люди курят. Другие грызут ногти. Опал же брала вещи без спросу. На самом деле это не было воровством. Она брала вещи лишь у тех людей, которых хорошо знала, которые ей нравились и с которыми она ощущала определенную близость. И она старалась возвращать вещи в целостности и сохранности еще до того, как владелец обнаружит пропажу. Когда она носила чужие вещи, это наполняло ее тайным восторгом, придавало ощущение, что она гораздо старше своих лет. Эти вещи были похожи на амулеты или талисманы, каким-то образом наделенные частичкой души других людей.

Ночь была холодной. Четверо ребят сидели рядом с костром, и парни обменивались историями о Картофельной Девочке. Тори в основном молчала, иногда ерошила волосы, фыркала и качала головой, слушая самые нелепые выдумки. Как будто на свете не было других историй! Каждый ребенок в Новом Ханаане с раннего детства слышал о том, как Картофельная Девочка бродит по лесу, где ее убили, ищет убийцу и жестоко мстит каждому, кто оказывается на ее пути.

– Готов поспорить, она остается здесь, потому что убийца не покинул эти места, – сказал Райан. – Она знает, кто он такой, и не успокоится, пока он не умрет.

– Но она взъелась на целый город, – возразил Сэм. – Она прокляла *всех*.

– Прокляла или не прокляла, но мне нужно в туалет. – Тори встала, кутаясь в замшевую куртку. – Сейчас вернусь.

– Возьми фонарик, – предложил Сэм.

– Луна уже взошла; как-нибудь найду дорогу, – ответила Тори и вышла из круга света возле костра.

– Будь осторожна, – крикнул Сэм ей вслед. – Я чую гнилую картошку!

– Козел! – откликнулась она.

Они слышали шорох сухих листьев и хруст веток под ее ногами, но потом шаги отдалились и стихли. Один раз Тори негромко выругалась, – возможно, запуталась в зарослях кустарника. Огонь ровно потрескивал. Ребята рассказали еще несколько историй.

Примерно через пять минут Опал предложила Сэму поискать Тори. Ребята отмахнулись и сказали, что девчонки всегда долго писают. Они посмеялись над тем, что это занятие может отнимать так много времени.

Через десять минут они стали звать Тори, но она не откликнулась. Парни сказали, что она, должно быть, решила подшутить над ними и хочет напустить на них страху.

– Ну, хорошо, – наконец бросила Опал. – Вы, двое настоящих мужчин, останетесь здесь, а я пойду и найду ее.

Она взяла фонарик у Райана и ушла во тьму.

Райан и Сэм оставались у костра, посмеиваясь над истеричными девчонками. Разве не для этого они собрались здесь? Разве они не пришли в зачарованный лес, как делали десятки других парней, в надежде на то, что испуганным девочкам понадобится небольшое утешение? Разве вся эта ерунда насчет злого призрака не служила предлогом для того, чтобы сходить в лес и от души подурачиться? И разве лес за старым поместьем Гризуолдов не был буквально усеян бутылками и презервативами, призрачными напоминаниями о приходивших сюда молодых парочках, которые видеть не видели призрака замученной девочки?

Пронзительный крик Опал оторвал их от этих мыслей. Парни бросились от костра в темную чащу, заросшую кустарником. Они видели свет фонарика, прыгающий за деревьями, а когда подошли поближе, то услышали рыдания Опал.

Райан на секунду опередил Сэма. Он замер, как вкопанный, и шагнул назад.

– Что за хрень? – выдохнул он.

Тори лежала под большим узловатым кленом, совершенно обнаженная, с обмотанным вокруг шеи проводом. С ее левой груди был аккуратно срезан квадратный кусочек кожи. Ее одежда аккуратно сложена в кучку рядом с ней. Опал стояла, прижав одну руку к щеке и издавая жуткие свербящие звуки. Свет фонарика танцевал на бледной коже Тори.

– Это шутка! – выкрикнул Сэм и разразился визгливым смехом. – Гребаная идиотская шутка! Ну же, давай!

Он пихнул Тори ногой в бок, и ее лицо оказалось освещенным лучом света фонарика. Из посиневших губ высовывался кончик ее языка. Глаза выпучились в глазницах, широко распахнутые и остекленевшие, словно у куклы. Сэм завопил.

Райан первым вышел из ступора. Он взял фонарик у Опал и сказал, что им нужно обратиться за помощью. Ребята побежали и не заметили, как Опал, которая сначала следовала за ними, повернула назад.

Она добралась до поляны, подавила рыдания и направилась к кучке одежды, изо всех сил стараясь не смотреть на мертвую подругу. Аккуратно сложенная замшевая куртка лежала внизу. Опал сдвинула остальную одежду и заметила сверху белые кружевные трусики, тоже заботливо сложенные и блестящие, как крупный мотылек в лунном свете.

Потом она надела куртку, все еще хранившую тепло Тори, отчего к ее горлу подкатил горький комок, и снова посмотрела на тело. Тори была похожа на пластиковый манекен, распростертый на траве. Казалось невероятным, что это та самая девочка, которая только что злилась на нее за испорченную дорожную куртку. Девочка, которая отказывалась верить в призраков.

Опал почувствовала, что за ней следят, но это были не пустые глаза ее мертвой подруги, а кто-то еще... *кто-то* еще. Она медленно и боязливо повернулась.

Именно тогда она заметила силуэт: маленькую бледную фигуру в длинном платье, стоящую за деревом примерно в двадцати футах. Опал видела, как она отдалается, зигзагами петляя между кленами, и углубляется в темную чащу, а потом и вовсе исчезает из виду.

Опал бежала со всех ног, пока не поравнялась с парнями. Ее сердце бешено стучало в груди, и она прикусила язык, чтобы удержаться от крика. Оставалось лишь уповать на то, что они не заметят, как она надела куртку, которую весь вечер носила Тори. Они и впрямь не заметили. А она не собиралась рассказывать им о том, что видела, когда вернулась на поляну.

Лишь через несколько часов, когда Опал вернулась домой после допроса и коронер отправился забрать тело Тори, она поняла, какую ошибку совершила. Ей не хотелось объяснить, почему ее погибшая подруга носила куртку ее матери, – ту самую куртку, к которой ей запретили прикасаться. Но кому какое дело? И зачем вообще *думать* о какой-то глупой куртке? Но теперь Опал была причастна к этому делу, и не только потому, что провела тот вечер вместе с подругой. Она взяла ее куртку. Лучше всего было убрать ее в шкаф и никогда не упоминать о ней. Именно этим она и занималась, когда заметила, что кое-чего не хватает.

Звезда. Потускневшая от времени металлическая звезда шерифа, которую она прикрепила сегодня днем, куда-то исчезла.

– Вот дрянь! – пробурчала она, ощупывая два маленьких прокола в замше, куда вставляла крепежную булавку.

Должно быть, звезда упала где-то в лесу. Единственное, что оставалось, – вернуться и найти ее. Нужно было вернуть звезду, прежде чем пропажу обнаружат.

Опал в стотысячный раз повторила себе: «Все, пора с этим кончать. Больше я ничего не буду одалживать». На этот раз она верила, что говорит правду.

17 ноября 2002 года

22.20

Меня зовут Кейт Сайфер, и мне сорок один год.

Сегодня вечером я убила человека.

Я всегда считала, что не способна кого-то убить. Мысли о самоубийстве пару раз посещали меня, но убийство? Нет, никогда. Только не эта белокрылая голубка. Я принимала участие в маршах мира и регулярно жертвовала деньги для «Международной амнистии»¹. Ради всего святого: я школьная медсестра, которая рисует веселые рожицы на упаковках бактерицидного лейкопластыря.

Но это не отменяет тот факт, что именно я нажала на спусковой крючок и с почти безупречной точностью проделала дыру в сердце другого человека.

Для того, чтобы как следует объяснить случившееся, мне придется рассказать целую историю. Мне нужно будет вернуться не только к убийству Тори Миллер, произошедшему в лесу десять дней назад, но и к убийству, со дня совершения которого прошло уже больше тридцати лет. Моя история начнется с тех пор, когда я училась в пятом классе с девочкой по имени Дел Гризуолд. Немногие местные жители смогут припомнить это имя, но в городе нет никого, кто не слышал бы о Картофельной Девочке. Судя по всему, она является самой знаменитой уроженкой Нового Ханаана, что довольно странно, поскольку при жизни она была лишь тощим ребенком с грязными исцарапанными коленками, и, судя по ее виду, вы могли бы сказать, что из нее не получится ничего особенного.

Как же сильно мы заблуждались.

---

¹ «Amnesty International» (известная также как Amnesty, AI, Международная амнистия, МА, «Эмнести») – международная неправительственная организация, основанная в Великобритании в 1961 году, которая ставит своей целью «предпринимать исследования и действия, направленные на предупреждение и прекращение нарушений прав на физическую и психологическую неприкосновенность, на свободу совести и самовыражения, на свободу от дискриминации в контексте своей работы по продвижению прав человека». (Прим. ред.)

Часть 1. Тогда и теперь

Весна 1971 года,

7—16 ноября 2002 года

Раз картошка, два картошка, она здесь жила немножко,

Три картошка, ну и вот: она больше не живет.

Глава 1

Конец апреля 1971 года

– Потрогай ее, – предложила она.

– Ни за что. Жуть какая!

– Что, слабо тебе?

– Ни фига. Боже, что случилось с ее глазами?

– Думаю, их выклевали. Или они просто высохли и выпали наружу.

– Гадость. – Я поехала, – отчасти от холодного ветра, отчасти от мысли об этих глазах. Была ранняя весна. Земля у нас под ногами представляла собой вязкое грязное месиво и кое-где еще не оттаяла. На прошлой неделе отбушевала последняя метель, и на земле еще оставались пятна снега, таявшего в лужах и ручьях посреди бугристого поля.

– Давай, Кэт, ты должна меня слушаться. Когда я у себя дома, здесь надо играть по моим правилам. Это тебя поймали на нашей территории. Я могла бы сделать так, чтобы тебя арестовали. Или попросить папу прийти сюда с ружьем. Потрогай ее!

– Лучше сама потрогай.

Бледное лицо Дел исказилось в улыбке. Она протянула руку и погладила мертвую птицу пальцами с грязными ногтями с головы и до хвоста. Ее прикосновение выглядело нежным, словно птица была ручной канарейкой: существом, которое она кормила и называла по имени. Птицей, чьи песни она знала наизусть. Ее Крошкой Полли, ее любимой Чирикой.

Гниющая ворона тяжело качалась на проводе. Дел толкнула ее ко мне, раскачав еще сильнее. Мы как будто играли в тошнотворную разновидность тетербола². Я отскочила назад. Дел засмеялась, откинув голову с жесткими светлыми волосами. Она широко разинула рот, и я заметила, что правый передний зуб был сколот. Не хватало лишь маленького уголка; даже не заметишь, если не смотреть пристально.

Ворона продолжала раскачиваться. Ее левая лапка была обмотана проводом с белой пластиковой изоляцией. Это крепче, чем веревка, объяснила Дел. Птица висела примерно в трех футах от верхушки деревянного столба, вкопанного в центре небольшого поля, где совсем недавно появились неровные ряды побегов зеленого горошка. Маленькие деревянные столбики с приколоченной ржавой железной сеткой стояли между рядами, образуя шпалеры для вьющихся растений.

Дел сказала, что ее брат Ник подстрелил ворону две недели назад. Он выследил птицу, когда она выклевывала семена горошка из земли, и завалил ее из духового ружья. Потом они с отцом повесили ворону точно так же, как делали это каждый год: мертвая птица должна была отпугивать других ворон, чтобы им неповадно было сюда соваться.

Я протянула руку и потрогала сальные черные перья на растрепанном крыле. Там копошились жучки, прогрызавшие оперение, чтобы впиться в гниющую плоть. Зеленые мухи с металлическим отливом отложили яйца в глазницах маленького тупа. Даже в мертвой птице пульсировала жизнь. Она воняла как старый гамбургер, оставленный на солнце. Как дохлый енот, которого моя мать однажды нашла под крыльцом в Массачусетсе. Он лежал и гнил глубоко под половицами, где никто не мог до него добраться. Мать сыпала известку через щели в половицах, оседавшую на раздутом трупке, как рождественский снег. Несколько недель на крыльце воняло; запах проникал в открытые окна и двери, приставал к нашей одежде, коже и волосам. Ничто не сравнится с запахом смерти. Его ни с чем не перепутаешь.

---

² Тетербол – детская игра с перебрасыванием мяча, привязанного к столбу. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

По дороге домой из школы я каждый день заходила на поле Гризуолдов. Так продолжалось целый месяц, прежде чем Дел поймала меня и отвела посмотреть на ворону. Вообще-то я надеялась увидеть ее, – подсмотреть за Дел, – оставаясь незаметной. Может быть, тогда я узнаю, правду ли о ней говорят, будто ее отец на самом деле был ее братом, что она ложилась спать вместе с цыплятами и ела только сырую картошку. И еще такие слухи ходили: у нее есть хромой пони. Некоторые дети утверждали, будто видели, как она ездит на нем совершенно голая в поле за домом.

Я вовсе не собиралась заводить дружбу с девчонкой вроде Делорес Гризуолд. Я жила в Новом Ханаане всего лишь полгода, но этого было достаточно, чтобы знать правила. Правило номер один для выживания в пятом классе гласило, что нельзя водиться с Картофельной Девочкой, если не хочешь, чтобы другие обходили тебя стороной. Дел была изгоем. Ребенком, которого страстно ненавидели другие дети. Она была слишком худой и приходила в школу в поношенной грязной одежде, которая часто доставалась ей от братьев. Она была старше остальных пятиклассников, потому что задержалась в детском саду на год, а потом еще и в четвертом классе. Слой грязи у нее на шее был таким толстым, что казалось, будто ее на самом деле выкопали из земли, как одну из картофелин, которые росли на ферме ее отца. При этом она была настолько бледной, что казалось, будто только что вышла из подземелья. А если вы приближались к ней, то ощущали, как от нее веет сырой землей.

Может быть, если бы тогда у меня были другие подруги и если бы я водилась с кем-то еще, то я не стала бы срезать путь через эти замерзшие поля в надежде увидеть голую Картофельную Девочку, скачущую на пони. Может быть, тогда я бы вообще не встретила ее с ней, и она не показала бы мне свой секрет в овощном погребе и не заставила бы прикасаться к мертвой вороне.

Но у меня не было друзей. Как и Дел, я была здесь чужой. Девочкой из Нью-Хоупа, которая приходила в школу с коробкой для ланча, полной тушеных овощей, толстыми ломтями домашнего хлеба из муки грубого помола и сушеными фруктами на десерт. Как мне хотелось стать ученицей, которая приносит с собой белый хлеб и болонскую копченую колбасу! Или даже, подобно Дел, иметь при себе потертые латунные жетоны, которые дети бедняков каждый день обменивали на горячий ланч в кафетерии. Мне нужно было иметь что-то такое, что связывало бы меня с определенной группой, компанией детей, но вместо этого я торчала одна, как больной мизинец, жевала свой «хипповый» завтрак в одиночестве и глупо улыбалась любому, кто проходил мимо моего столика.

Ферма Гризуолдов находилась у подножия холма Буллраш. Плоская вершина холма площадью сто двадцать акров принадлежала духовной общине Нью-Хоуп, куда моя мать вступила предыдущей осенью. В Уорчестере, где она работала секретаршей, а у меня были настоящие друзья, которых я знала всю свою жизнь и думала, что буду знать вечно, не нуждаясь в новых знакомствах, – она познакомилась с мужчиной по прозвищу Ленивый Лось, которого на самом деле звали Марк Любовски. Он заморочил матери голову и уговорил ее отправиться вместе с ним в Новый Ханаан в штате Вермонт, куда он приезжал время от времени в течение последнего года. Он сказал, что некий Гэбриэл затевает нечто большое и совершенно революционное: утопическую общину.

По правде говоря, я была так же очарована Ленивым Лосем и его историями, как и моя мать. У него было доброе лицо с глубокими морщинами вокруг глаз и рта. По-видимому, стесняясь своей ранней лысины, он носил кожаную шляпу с широкими полями и бело-коричневым полосатым пером индейки, заправленным под ленту. Он снимал шляпу лишь перед сном, и даже тогда она обычно лежала в ногах кровати, где иногда спала кошка, принадлежавшая другой супружеской паре. По его словам, перо, которое он нашел в лесу за Нью-Хоупом, было талисманом, объектом магической силы, освобождавшим его дух.

Поэтому мы со свободной душой отправились в путь в его оранжевом «Фольксвагене», ожидая, что вскоре найдем свой рай. Вместо этого мы обнаружили несколько ветхих построек, колодец, из которого качали воду ржавой ручной помпой, небольшое стадо коз, с дьявольским упорством уничтожавших все вокруг, и большое холщовое типи, которое служило нам домом в последующие годы. Ленивый Лось благоразумно опустил все подробности в своих описаниях Нью-Хоупа, и хотя мы с матерью не могли скрыть первоначального разочарования, но все-таки верили, что сможем создать новую, лучшую жизнь для себя, как и было обещано. Со свойственной ей решимостью моя мать наполнила типи разноцветными плетеными ковриками и чистым постельным бельем. Она отскребла грязь с колпаков масляных ламп и приучила Ленивого Лося снимать заляпанные сапоги перед входом. Хотя наш маленький круглый дом был далек от рая, он, по меньшей мере, был светлым и чистым.

У подножия холма Буллраш, на углу, где наша грунтовая дорога пересекалась с Рейлроуд-стрит, которая уже тогда была заасфальтирована, стояла ферма Гризуолдов. Раньше здесь находилась молочная ферма, но они продали коров за несколько лет до нашего приезда. Тем не менее запах навоза по-прежнему был ощутим, особенно когда шел дождь. От него, как и от запаха смерти, было нелегко отделаться.

Гризуолды жили в покосившемся доме с облупившейся побелкой. На крыше там и сям были заметны проплешины: где черепица съехала, а где попадала. Под застрехами гнездились ласточки. Покосившийся красный амбар со старой жестяной крышей давно обрушился, и мрачные руины служили убежищем для сотни диких кошек и нескольких бродячих собак (одна ковыляла на трех ногах, у другой не хватало одного глаза, а третья была покрыта безобразными шишками). На переднем дворе, где было больше утопанной грязи, чем травы, за большим черным почтовым ящиком с их фамилией, стояла белая вывеска со словами, выведенными от руки крупными красными буквами: «ЯЙЦА. СЕНО. СВИНИНА. КАРТОШКА».

За вывеской, примерно в десяти футах от дороги, примостился навес с ржавой жестяной крышей, открытый с одной стороны. Там на картонках в любой день были разложены три-четыре дюжины яиц, большие корзины с картошкой, бобами, кукурузой и другими сезонными злаками. Цены были написаны на обрывках бумаги, приклеенных к задней стенке, а рядом стояла металлическая банка для денег.

«Не обманывайте и берите сдачу! Спасибо!» – гласила табличка, прибитая над помятой серой банкой. С потолка свисали старые весы, но единственный раз, когда мать попыталась воспользоваться ими, стрелка и не подумала сдвинуться с места, потому что пружина внутри была сломана.

Другая вывеска предлагала обращаться к владельцу фермы насчет сена, свиней, поросят и даже котят, которых предлагали бесплатно.

До того, как в Нью-Хоупе появились куры, мы ходили покупать яйца у Гризуолдов. Мы редко сталкивались с мистером Гризуолдом, но иногда видели его вдалеке – он работал на тракторе. Как мы узнали, его жена умерла от рака несколько лет назад, и теперь дети были целиком и полностью на его попечении. Часто мы видели одного из сыновей, занятого мелкой работой во дворе или копавшегося под капотом про-ржавевшего автомобиля. Детей было много: восемь человек, включая Дел. Все мальчики, кроме нее.

– Ты живешь вместе с этими хиппи, да? – спросила Дел в тот день, когда мы стояли, глядя друг на друга на грядках зеленого горошка, только-только выпускавшего бледные усики. Между нами висела мертвая ворона.

– Да.

– Значит, ты хиппи?

– Нет.

– Хиппи тупые, – заявила она.

Я не ответила, только пнула ногой комок холодной глины.

– Я сказала, что хиппи тупые! – В ее бледных серо-голубых глазах вспыхнул гнев.

– Само собой. – Я немного отступила, опасаясь, что она может сорваться и ударить меня.

– Что само собой?

– Само собой, хиппи тупые.

Дел улыбнулась, продемонстрировав сколотый зуб.

– Я хочу кое-что тебе показать. Хочешь посмотреть? Это секрет.

– Наверное, – промямлила я, немного обеспокоенная тем, что несколько минут назад она задала мне такой же вопрос, а потом привела меня к гниющей вороне.

Я пошла за Дел через ряды шпалер с побегам зеленого горошка, а потом через огород с грядками шпината, моркови и свеклы. Я знала эти растения, потому что в Нью-Хоупе был свой огород. Наша почва была более темной и не такой комковатой, как у Гризуолдов, и хотя наш огород был меньше, он казался более ухоженным и лучше организованным, со специальными дорожками между грядок, посыпанными опилками. На полях у Гризуолдов было полно камней, ржавых лемехов и мотков колючей проволоки, и мы с трудом пробирались через кривые грядки с молодыми всходами. Стражем этого неприглядного ландшафта, словно побуждавшим все живые существа расти под страхом смерти, была ворона, висевшая вниз головой на проводе.

Мы с Дел миновали небольшое огороженное пастбище, где стояла крупная серая кобыла, жевавшая сено. Рядом с ней топтался пятнистый пони. Когда он увидел нас, то вздрогнул и побежал за стойло, и я заметила, что он прихрамывает.

– Это твой пони? – спросила я.

– Да. Его зовут Спитфайр³, и он кусается.

Сразу за пастбищем начинался загон для свиней, где пять огромных свиноматок примерно с дюжиной поросят валялись в густой серой грязи. Хижина из плавника, похожая на большую собачью конуру, стояла в заднем правом углу хлева. Вдоль передней ограды проходил металлический желоб с водой, а рядом с ним – длинное корыто, полное осклизлых отрубей.

Я остановилась и прислонилась к верхней части ограды, поставив ногу на нижнюю планку и стараясь получше рассмотреть поросят. От аммиачной вони свиных экскрементов у меня запершило в горле. Я заглянула в крошечные глаза свиноматки с набухшими сосками и вспомнила, что где-то слышала, что свиньи очень умные, даже умнее собак. Но тут Дел подкралась сзади и пихнула меня. Это был жесткий тычок, а не игривый хлопок по спине. Я ударилась животом о верхнюю планку, а голова и плечи резко наклонились вперед. Я едва не свалилась через ограду в грязь.

– Осторожно, – язвительно произнесла Дел. – Свиньи съедят тебя. Если упадешь туда, они обгложут тебя до костей.

Я соскочила с ограды и повернулась к Дел, собираясь дать ей сдачи, но она быстро отвлекла меня, и желание исчезло.

– Посмотри на маму-свинью, – сказала Дел и указала на свиноматку, за которой я только что наблюдала. – На прошлой неделе она сожрала трех своих деток. Свиньи такие дикие.

Я разжала кулаки и с шумом выпустила воздух.

Дел отвела меня на задний двор дома на гребне маленького холма и в подробностях описала, как свинья пожирала своих детей.

---

³ «Спитфайр» (Spitfire) – название британского истребителя времен Второй мировой войны.

– У нее зубы, как бритвы, – сказала она. – Когда она покончила с ними, ничего не осталось, только три хвостика.

Мы подошли к деревянной двери погребца, вделанной в склон холма примерно в пятидесяти футах от дома. Она напонила мне металлическую дверь, которая вела в подвал нашего старого дома в Массачусетсе. Дел наклонилась, откинула засов тяжелой деревянной двери и распахнула ее. Неотесанные деревянные ступени вели в черную яму, где могло находиться что угодно – темница или бомбоубежище.

– Давай, иди первой. Я должна закрыть за нами дверь.

Я начала спускаться по ступеням и поняла, что это овощной погреб: маленькое помещение, возможно, восемь на восемь футов, со стенами из шлакобетона и просевшими деревянными полками, тянувшимися от пола до потолка. На полках стояли ряды консервов и бушельные корзины с проросшей сырой картошкой, мятыми яблоками и вялой морковью. Дел закрыла дверь, и стало совершенно темно. Я гадала, могла ли она остаться снаружи и закрыть засов, оставив меня умирать в этой сырой яме. Вполне возможно, что это была темница, что-то вроде пыточной камеры. Я судорожно вздохнула. Вокруг пахло сырой землей и затхлыми корнеплодами. Это был запах Дел.

– Дел?

– погоди, я зажгу спичку. – Я услышала, как она прошмыгнула мимо и стала ощупывать полки, потом встряхнула коробку спичек, вытаскала одну и зажгла ее. В маленьком помещении заиграли оранжевые отблески. Дел сняла с полки старую банку из-под повидла со свечой внутри и зажгла ее. Потом она задула спичку и поднесла огарок свечи к моему лицу, словно изучая меня и не вполне понимая, кем я могу оказаться.

– Ладно. Если я покажу тебе мой секрет, обещай никому не говорить. Ты должна поклясться. – Ее бледные глаза смотрели прямо на меня и, казалось, проникали в мозг прямо до затылка.

– Хорошо.

– Жизнью клянешься?

– Да, – пробормотала я. Она отодвинула свечу от моего лица и поставила ее на полку рядом с пыльными банками консервированных помидоров.

– Скажи: «Чтоб мне сдохнуть, если я вру».

– Чтоб мне сдохнуть, если я вру, – повторила я.

– У меня есть татуировка, – сообщила Дел. Она начала расстегивать свою грязную желтую рубашку с вышитыми цветными лассо, ковбойскими шляпами и лошадьми.

Я хотела попросить, чтобы она остановилась, что я верю ей на слово и не хочу смотреть, но было уже поздно. Она сняла рубашку. К моему облегчению, под рубашкой оказалась замызганная белая майка с крошечным белым цветком, пристроченным в центре горловины. Дел быстро задрала майку, и я смущенно опустила глаза, думая о том, что, наверное, все истории, которые мы слышали, были правдой. Тем не менее я была здесь, в погребе, вместе с Картофельной Девочкой. О чем я только думала? Если об этом когда-нибудь станет известно в школе... Я передернула плечами, мучительно стараясь найти предлог, чтобы поскорее уйти отсюда. Запах грязи стал невыносимым.

– Ты будешь смотреть, или как? – спросила она.

Я медленно перевела взгляд с утоптанного земляного пола на обнаженное туловище Дел.

Дел была тощим ребенком; я практически могла пересчитать ее ребра. Она выглядела как человек, лишившийся всех красок, – даже ее соски казались бледными. И там, на ее костлявой грудной клетке, над тем местом, где, по моему мнению, находилось ее сердце, стояла буква «М». Я наклонилась поближе, чтобы лучше видеть, стараясь забыть о том, что смотрю на кожу незнакомой девочки, и не просто на кожу, но на то место, где однажды появится

грудь. Я уже замечала очертания будущих грудей: легкие выпуклости, выглядевшие совсем неуместно на ее худом теле. Но мой взгляд был прикован не к ее выпуклостям, отличавшимся от моей собственной плоской груди, а к татуировке.

Это была рукописная заглавная буква «М» с изящно выведенными завитками. Татуировка была наколота черными чернилами довольно недавно, так как кожа вокруг оставалась красной и припухшей. Она выглядела немного воспаленной. Я подумала о том, как это было больно, и попяtilась.

Единственной татуировкой, которую я видела в своей жизни, был выцветший якорь на предплечье одного из ухажеров моей матери, который служил на флоте. Морячок Папай тоже носил татуировку, но мультфильмы были не в счет; они ничего не значили в теперешней ситуации.

Я пыталась выглядеть безучастной... но татуировка? У пятиклассницы? Теперь Дел казалась еще более чуждым существом, чем раньше.

– Что значит «М»? – спросила я.

– Этого я не могу сказать. – Она улыбнулась, довольная силой своей тайны.

– А кто сделал тебе татуировку?

– Кто-то особенный.

– Тебе было больно?

– Не очень.

– Кажется, что тебе и сейчас больно.

– Это хорошая боль.

Я не стала спрашивать, какой может быть плохая боль. У меня не было возможности спросить еще о чем-то, поскольку дверь распахнулась, и погреб заполнился светом. Я посмотрела вверх и увидела силуэт нескладного парня, стоявшего на другом конце лестницы.

– Дел, какого черта ты там делаешь? И кто там с тобой? Господи, вы целуетесь, или еще что? – Голос парня был скрипучим, словно у него болело горло и он не мог говорить громко.

Дел быстро отвернулась и натянула майку.

– Проваливай, Никки! – крикнула она, стоя к нему спиной, и я поняла, что вижу того, кто убил ворону. Я прищурилась от света, бьющего в глаза, и попыталась разглядеть его черты. Мне удалось увидеть растрепанные светлые волосы и несуразно длинные руки, свисавшие по бокам, как у обезьяны. Руки орангутанга. Когда глаза привыкли к свету, я увидела, что паренек был настолько загорелым, насколько Дел была бледной. Темнокожий подросток-обезьяна в рваных джинсах и белой футболке. Тяжелые рабочие ботинки на здоровенных ногах.

– Хорошо, я свалю отсюда, – произнес он скрипучим голосом. – Свалю прямо домой и расскажу папе, что я сейчас видел.

– Ты дерьмо! – Дел плюнула в его сторону.

– Кто твоя подруга? – спросил он, хитро улыбаясь тонкими губами.

– Не твое собачье дело, – отрезала Дел.

Парень рассмеялся, и на его бронзовом лице блеснули белые зубы. Потом он отошел от двери.

– Ну и дела. Не хотел бы я оказаться на твоём месте. Папуля устроит тебе знатную взбучку.

С этими словами он потопал к дому, оставив дверь погреба открытой.

– Тебе лучше уйти, – велела Дел. – А завтра приходи снова. Встретимся в поле после школы. У вороны, ладно?

– Ладно, – отозвалась я.

Она бегом поднялась по лестнице, остановилась наверху и крикнула мне «Увидимся, аллигатор!»⁴, прежде чем помчаться к дому вслед за братом.

Я задула свечу и медленно поднялась по деревянной лестнице, а когда подошла к двери, то внимательно посмотрела направо, а потом налево. Вокруг никого не было, поэтому я устремилась вперед, не осмеливаясь обернуться и посмотреть на дом, в сторону Дел и Ника. Я пробежала мимо свиней с бритвенно-острыми зубами, мимо лошадиного выпаса с хромым пони, через шпинат, морковь и свеклу, а потом через поле зеленого горошка, где мертвая ворона по-прежнему свисала с провода, как сломанная марионетка.

У края поля начинался лес, и я нашла тропинку, которая приведет меня на вершину холма Буллраш, прямо в Нью-Хоуп. До дома было всего-то пятнадцать минут ходьбы, но после встречи с Дел мне казалось, что он находится в нескольких световых годах отсюда. За один час Дел показала мне целую далекую вселенную со своими правилами и опасностями. Теперь я не могла дождаться, когда вернусь туда.

---

⁴ Часть шуточного американского рифмованного обмена прощальными фразами: «До свиданья, крокодил!» – «Увидимся, аллигатор!».

Глава 2

7 ноября 2002 года

– Я знаю, кто ты такая.

Это были первые слова, которые я услышала от матери, когда вернулась домой и обняла ее на пороге. Ее тело было вялым и безразличным, руки с плотно забинтованными кистями безвольно висели по бокам. Мамины руки. Я преодолела три тысячи миль ради встречи с ней, а она даже не обняла меня в ответ. Я неловко отодвинулась от нее. Мамочка встречается с Девочкой-Роботом. Теперь нам был нужен лишь Лон Чейни или Бела Лугоши⁵, и мы могли бы сниматься в кино.

– Как хорошо снова видеть тебя, ма. – Я выдавила улыбку.

– Я знаю, кто ты такая, – повторила она.

Она стояла передо мной, вся растрепанная, в поношенной фланелевой ночной рубашке. Ее волосы, – длинные, прямые и белые, как березовая кора, – были сальными и спутанными. На ногах – кроссовки с развязанными болтающимися шнурками. На подбородке виднелось что-то вроде засохшего яичного желтка. Я подавила желание спросить: «Да, ты знаешь меня, но, черт возьми, кто *ты* такая?»

Я только что потратила целый час на безрадостное совещание с Рейвен и Гэбриэлом – двумя оставшимися старшими членами общины Нью-Хоуп, не считая моей матери. Третьей была Опал, двенадцатилетняя дочь Рейвен, которая появилась где-то посередине нашей встречи с велосипедной цепью в руках.

– Ребята, вы не видели большой гаечный ключ? – поинтересовалась она, когда торопливо вошла в комнату, по пути опрокинув стул. Цепь, покрытая смазкой, болталась в грязной руке. На ней была натянута задом наперед бейсболка и надета бело-голубая спортивная студенческая куртка с именем другой девочки на нагрудном кармане.

Опал довольно сильно изменилась за последние два года. Она выросла и похудела и, несмотря на развязный вид, выглядела более изящной, чем нескладная девочка, которую я так хорошо помнила.

Когда она повернулась и увидела меня, ее лицо расплылось в широкой улыбке. Она выронила цепь и крепко обняла меня запачканными смазкой руками.

– Я думала, ты приедешь вечером, – сказала она. – Боже, мне нужно сделать миллион дел прямо сейчас: я должна починить велосипед и встретиться с кое-какими друзьями. Но потом я найду тебя. Завтра, ладно? Завтра я покажу тебе много новых трюков. Я полностью отработала прыжок с амбара и даже делаю сальто на лету! И я достала ту классную книжку про бродячих актеров с отличными картинками. Ты должна ее увидеть!

Опал была худой веснушчатой девочкой, которая с семи лет твердила, что хочет стать акробаткой, исполняющей опасные трюки. Во время моего последнего визита она в двух местах сломала руку, когда спрыгнула со старого сеновала в большом амбаре.

Рейвен уехала в Рутленд по срочному делу, и мне пришлось отвезти Опал в пункт неотложной помощи и сидеть рядом с ней, пока она ждала медицинского осмотра. Она выглядела очень потрясенной, но не из-за падения, а из-за того, что произошло в амбаре перед прыжком. Она утверждала, что на сеновале рядом с ней кто-то был, но когда Гэбриэл пошел проверить, то нашел лишь ржавые вилы, прислоненные к стене, и несколько комков гнилого сена.

---

⁵ Лон Чейни-младший (1906–1973) – американский актер, наиболее известный ролями монстров в классических фильмах ужасов. В частности, снимался в фильмах «Сын Дракулы» и «Франкенштейн». Бела Лугоши (1882–1956) – американский актер венгерского происхождения, наиболее известный исполнением роли Дракулы в одноименном фильме. Интересно, что эта роль была предназначена для Лона Чейни-старшего, но он умер до начала съемок.

– Что ты там видела? – спросила я, но она так и не ответила.

Чтобы отвлечь ее от бесконечного ожидания в больничных очередях, я попросила Опал рассказать мне о ее любимых трюках. Она сказала, что читает о старых бродячих артистах и воздушных акробатах.

– Чарльз Линдберг⁶ начинал с этого, – объяснила она. Потом она перешла к рассказам о женщинах, и ее голос срывался от волнения и восхищения.

– Одна леди по имени Глэдис Ингл стреляла из лука, стоя на верхнем крыле своего «Кертис Дженни».

– На крыле чего?

– «Кертис Дженни». Это биплан. У меня в типи есть его модель. Но больше всего Глэдис Ингл прославилась прыжком с одного самолета на другой, прямо в воздухе. Разве не здорово?

– Действительно здорово, – согласилась я.

– Потом была еще Бесси Колман. Я про нее сделала доклад в школе. Она была первой американской женщиной-пилотом и тоже ходила по крылу самолета. Да, еще Лилиан Бойер по прозвищу «Царица воздуха»: она бросила работу официантки ради исполнения трюков на самолете.

– Ничего себе поворот карьеры!

– А ты слышала о Буффало Билле? Готова поспорить, ты не знаешь о его племяннице Мэйбл Коди. Она была первой женщиной, которая поднялась на самолет со скоростного катера.

К тому времени, когда Опал перешла к изложению завершающей части эпопеи о воздушных трюках на крыле самолета в 1936 году – именно тогда правительство запретило покидать кабину на высоте ниже 1500 футов, – таинственный незнакомец на сеновале был забыт, а к концу трехчасового ожидания в палате скорой помощи я стала лучшей подружкой десятилетней Опал, и она не отходила от меня до конца нашего пребывания в больнице. Она показывала мне рисунки в книгах и модели самолетов, которые она собрала сама. Биплан «Кертис Дженни» висел на рыболовной леске, прикрепленной к столбу у вершины типи. Опал приклеила маленькую пластиковую женщину к верхнему крылу вместе с крошечным луком, который она сделала из прутика и нитки, и стрелами из зубочисток. На другом крыле была прикреплена круглая мишень.

Мне, как постороннему человеку, казалось, что Опал нравится жить в типи, и мое предположение подтвердилось, когда она показала мне свою спальню, отгороженную занавеской, и заставила биплан летать кругами у нас над головой легким толчком пальцев. Я оглядывалась по сторонам со странным ощущением дежавю, и мне пришлось сказать себе, что это не то типи, где жили мы с матерью, а его третья или четвертая инкарнация. Но теперь его тоже предстояло заменить, и все из-за моей матери.

После того, как Опал ушла чинить велосипед, мы с Рейвен и Гэбриэлом вернулись к обсуждению моей матери. Мы сидели за длинным деревянным столом в большом амбаре, который когда-то служил кухней и местом собраний для членов общины. Амбар выглядел пустым и огромным, и наши голоса терялись в этом пространстве.

С годами Нью-Хоуп постепенно приходил в упадок. Видение утопии, созданное Гэбриэлом, утратило свое очарование и обветшало вместе с садами и постройками. Дом моего детства превратился в подобие города-призрака, хрупкую оболочку того, чем он был когда-то, и я была разочарована, но не удивлена. Можете называть меня скептиком, но я всегда

---

⁶ Чарльз Огастес Линдберг (1902–1974) – американский летчик, ставший первым, кто перелетел Атлантический океан в одиночку. (Прим. ред.)

считала, что для создания идеального общества требуется нечто большее, чем натуральные овощи и разговоры в кругу единомышленников.

Рейвен родилась на десять лет позже меня, и мы с ней были единственными детьми в общине, пока я жила там. Она родилась на третий день после моего приезда в Нью-Хоуп. Я плохо спала в ту ночь, слушая крики ее матери, доносившиеся из большого амбара, который был превращен в «акушерский центр» со священным кольцом свечей и молодым хиппи по имени Зак, попеременно игравшим на гитаре музыкальные темы «С днем рождения тебя» и «Одинокого рейнджера». Я лежала без сна, гадая о том, почему моя мать привезла меня сюда, ведь здесь дети даже не рождаются в клиниках.

Когда Рейвен была малышкой, я меняла ей подгузники, а потом научила ее завязывать шнурки. Я поделилась с ней моим наследством – случайными булавочными уколами и историей о том, как превращать непослушный шнурок в зайчика, а потом отправлять зайчика в норку, – но сомневаюсь, что она помнила об этом.

Рейвен стала настоящей красавицей ростом около шести футов, с длинными темными волосами и высокими скулами. Она работала на неполной ставке в офисе городской канцелярии и ходила на вечерние курсы в надежде получить степень по психологии. Когда я уехала в колледж и не вернулась обратно, Рейвен быстро заменила меня для моей матери. Это обстоятельство немного угнетало меня и заставляло испытывать уколы ревности и вины каждый раз, когда мать в последующие годы упоминала ее имя. Не будучи плотью от плоти моей матери, Рейвен была хорошей дочерью. Настоящей дочерью, которая обещала никогда не уезжать из дома и смогла подарить моей матери внучку, которой она так и не дождалась от меня. А я на старых фотографиях, которые мать хранила в типи, выглядела тощим ребенком, и мои веснушки тускнели на каждой следующей фотографии, словно предсказывая, что однажды и я сама исчезну навеки. Невидимая женщина, которая звонила один раз в неделю и рассказывала, как трудно учиться в колледже, а потом в школе медсестер. Супружеская жизнь, одна всепоглощающая работа за другой, – всегда находился какой-то предлог, чтобы не приезжать домой. Но это не имело значения, потому что Рейвен оставалась рядом с моей матерью в своих аккуратно зашнурованных ботинках.

Ее собственная мать Доя умерла от рака поджелудочной железы – одна из тех ужасных историй, когда вы обращаетесь в больницу из-за болей в желудке, а через три недели все заканчивается. Отец Рейвен... ну, никто на самом деле не знал, что с ним стало. Я была виновата в его исчезновении, – по крайней мере, послужила причиной, – но я оставалась единственной, кто знал об этом. Это была еще одна тайна из длинного списка тайн Нового Ханаана, тяжелого и горестного бремени, которое я носила в себе.

Рейвен забеременела Опал в восемнадцать лет, всего лишь через несколько месяцев после безвременной кончины Дои. Тогда я была в Сиэтле и на расстоянии, в еженедельных телефонных разговорах с матерью, сочувствовала ее беременности: утренняя тошнота, успешно вылеченная с помощью миндаля и имбирного чая, часовые поездки на специальные курсы йоги для беременных в Барлингтоне, поиски акушерки, которая согласилась бы принять роды в типи, где не было проточной воды. Тема отца Опал никогда не упоминалась прямо, хотя я считала, что это был просто какой-то хиппи, недолго проживший в Нью-Хоупе. Если кто-то, включая Опал, был хотя бы в малейшей степени обеспокоен ее «безотцовщиной», то я об этом не слышала.

Гэбриэл в свои восемьдесят два года по-прежнему находился в отличной физической и психической форме. В круглых очках, с белой бородой и в красных подтяжках он выглядел как поджарый и всесезонный Санта-Клаус. Он был патриархом, отцом-основателем Нью-Хоупа. Его гражданская жена Мими умерла три года назад и оставила его одного шаркать по большому амбару, вспоминая более славные времена – те дни, когда нужно было прокормить много ртов и составлять планы мирных революций.

При основании Нью-Хоупа в 1965 году присутствовали только четыре члена: Гэбриэл, Мими и еще одна пара, Брайан и Лиззи. Со временем число жителей увеличилось. Осенью 1969 года, когда мы с матерью приехали в Нью-Хоуп, община насчитывала одиннадцать постоянных членов (больше не было никогда), не считая ребят из колледжа, приезжавших на лето, и путешественников, которые приходили и уходили. Там были Гэбриэл и Мими, Брайан и Лиззи, Шон и Доя, малышка Рейвен, Ленивый Лось, мы с мамой и девятнадцатилетний Зак, единственный одинокий мужчина и неофициальный менестрель общины. Но сколько бы людей ни называло Нью-Хоуп своим домом в любое время, все они смотрели на Гэбриэла как на своего наставника, придающего смысл происходящему и определяющего границы утопии.

Я терпеливо слушала, прихлебывая один из травяных настоев Гэбриэла, на вкус напоминавший лакрицу с илом, пока они с Рейвен по мере сил старались рассказать мне о состоянии матери. У нее выдалась особенно плохая неделя. Пять дней назад здесь случился пожар, который стал последней каплей, переполнившей чашу. Именно поэтому члены общины наконец позвонили мне и сказали, что я должна вернуться и принять решение о долговременной опеке. Они рассказали, как моя мать отбивалась от Гэбриэла, который вытаскивал ее на улицу, и так сильно укусила его за руку, что тому понадобилось наложить швы. (Как я заметила, его рана была закрыта стерильной повязкой, а не вонючим компрессом из водорослей, как во времена Мими.)

Как я ни старалась, но никак не могла совместить образ тихой и миролюбивой матери с той маньячкой, которую описывали члены общины. Я попыталась представить ее с пеной изо рта, извергающей огонь с кончиков пальцев.

– После пожара ей становилось все хуже и хуже, – объяснил Гэбриэл. – Она просто на всех кидается.

Хо-Хо-Хо.

Когда они завершили описание последних гнетущих подробностей, я рассказала им о своих планах. Я взяла срочный трехнедельный отпуск в начальной школе Лейквью в Сиэтле, где работала школьной медсестрой. Обращаясь к ним как к членам школьного совета, я объяснила, что в следующие две недели я с их помощью оценю состояние матери и составлю план долговременной опеки. С большой вероятностью это означало, что ее придется поместить в дом престарелых (и, возможно, насильственно ограничить двигательную активность, о чем я не стала упоминать). Признаю, что мои слова больше напоминали выступление работника социальной службы, а не дочери, но в определенном смысле так я себя и чувствовала. Это было моей обязанностью, и я собиралась выполнить ее, но на самом деле после отъезда из дома в семнадцать лет я уже не была ничьей дочерью.

Гэбриэл и Рейвен кивали, одобряя мой план и мою рассудительность. Вероятно, они были немного озадачены тем, как хладнокровно я отнеслась к сложившейся ситуации. Но разве это не моя работа? Разве не для этого они позвали меня сюда: сделать то, что необходимо, но что они стеснялись сделать сами? Я должна была принять окончательное решение и запретить свою мать, лишить ее свободы, якобы ради ее же блага. Никто из них не хотел иметь это на своей совести, и кто мог винить их? Эти люди назначили меня плохим парнем, подлой блудной дочерью, и я повелась на это, как будто была рождена для этой роли.

– Говорю тебе, Доя, я не хочу видеть ее здесь. – Моя мать стояла в дверном проеме, – рост пять футов два дюйма, вес девяносто фунтов, – покачиваясь с пяток на носки. Она двигалась взад-вперед, как змея под гипнозом, как будто стараясь стать повыше ростом. Я немного попятилась, ожидая, что она вот-вот зашипит на меня.

Рейвен вздохнула и приложила ладонь ко лбу.

– Меня зову Рейвен, Джин. Я дочь Дои. А это твоя дочь Кейт.

– Я знаю, кто она такая! – выкрикнула моя мать и перевела взгляд с Рейвен на меня. – Я знаю, кто ты такая!

При этих словах она наклонилась вперед, и слюна брызнула мне в лицо. Ее руки свисали по бокам, словно большие белые лапы, нелепые и ненужные. Рейвен и Гэбриэл были правы. Я оказалась совершенно не готова к этому. В глазах матери пылал огонь, которого я никогда не видела раньше. Я отступила еще на шаг назад.

– Кейт остается. Она останется здесь, в твоём доме.

– Это не мой дом.

Рейвен зашла с другой стороны.

– Джин, где Мэгпай? – Она открыла наплечную сумку и достала банку кошачьих консервов «Старкрайст» с тунцом. Лицо моей матери расслабилось, и она криво улыбнулась.

– Должно быть, где-то внутри. Под шкафом или в кровати. Мэгпай! Сюда, мисс Мэгпай! Завтрак!

Мать повернулась и вошла внутрь, продолжая звать кошку. Рейвен кивнула мне, и мы направились следом.

Я впервые увидела крошечный дом моей матери во время своего последнего визита два года назад. Она как раз наносила финальные штрихи, занималась отделкой и украшением после окончания строительства. Тогда в Нью-Хоупе было немного больше постоянных жителей, и они помогли возвести каркасные стены и крышу. Опал и ее друзья выкопали яму для уборной во дворе. Но в остальном это был проект моей матери. Четырёхкомнатный домик был построен ее семидесятилетними руками, в основном из подаренных и собранных материалов. Когда она устроила мне первую экскурсию, это место показалось мне скорее произведением искусства, чем домом. Она с гордостью показывала мне встроенные полки, деревянный пол, сколоченный из досок со старой силосной башни с помощью Рейвен, плоские гранитные плиты, собранные на куче отбросов за камнерезной мастерской в Бэрре, которые теперь служили столешницами на кухне.

После многих лет жизни в типи, а потом на чердаке большого общинного амбара моя мать наконец построила собственный дом. Он был расположен примерно в трехстах футах за большим амбаром и граничил сзади с опушкой леса, опускавшегося по склону холма и уходившего в сторону фермерского хозяйства, некогда принадлежавшего семье Гризуолдов.

Оглядываясь на свой предыдущий визит в Нью-Хоуп, я понимаю, что уже тогда в поведении моей матери угадывались признаки болезни. Повсюду можно было найти мелкие подсказки, но ничего такого, что включило бы сигнал тревоги и пробудило к жизни грозные, весомые слова: *слабоумие, болезнь Альцгеймера*. Она казалась немного более рассеянной, более невнимательной. Она повторялась и забывала, о чем я ей говорила. Она то уходила в себя, то раздражалась по мелочам. Тогда я думала, что постройка дома отняла у нее слишком много сил. В конце концов, ей было семьдесят лет.

Во время визита двухлетней давности я узнала, что она разбила свой автомобиль и решила не покупать новый. Когда я спросила, что случилось, она сказала, что поехала покататься и уснула за рулем. Автомобиль съехал с дороги в кювет. К счастью, она отделалась синяками. Это случилось возле Ланкастера в штате Нью-Гэмпшир.

– Но что ты делала в Ланкастере ночью? – спросила я. Она лишь пожала плечами. Позднее Рейвен рассказала мне, что иногда мать не могла найти обратную дорогу и оказывалась все дальше и дальше от дома. Обычно у нее заканчивался бензин, и она звонила Гэбриэлу или Рейвен, прося о помощи. Она прикрепляла телефонные номера жителей Нью-Хоупа к солнцезащитному козырьку своего «Понтиака». Одно это должно было навести на тревожные мысли, но все как-то обошлось, хотя было известно, что мать годами помнила

эти номера без всяких бумажек. Физически она была достаточно сильной и здоровой, чтобы построить дом. Но ее разум блуждал, и, должно быть, она чувствовала, как память покидает ее, одно воспоминание за другим, и, возможно, все началось с этих телефонных номеров.

Когда я вслед за Рейвен вошла в гостиную, то увидела, что изнутри дом выглядел так же, как я помнила: тот же диван, заваленный подушками, деревянное кресло-качалка и лоскутный коврик. Слева от двери стояла скамья, на которую садились, чтобы снять обувь, а вдоль стены тянулся ряд крючков для верхней одежды. Там висел непромокаемый плащ, пуховик и ярко-оранжевый жилет для лесных прогулок в охотничий сезон. Никаких сомнений: я вернулась в Вермонт.

Пройдя вперед и повернув на кухню, я увидела белую эмалированную деревянную плиту и круглый деревянный стол, который стоял еще в типе моей матери. Дверь ее спальни в дальнем конце дома была заперта. Соседняя дверь, ведущая в ее художественную студию, была приоткрыта, и я мельком увидела цветные холсты, раскладную кровать и комод с зеркалом, придвинутые к задней стене. В доме пахло древесным дымом, масляными красками и лавандовым лосьоном, которым пользовалась моя мать. Знакомые запахи, и я невольно находила в них утешение.

Новостью для меня были записки, развешанные повсюду, – белые бумажки с напоминаниями, написанные яркими фломастерами. На обратной стороне входной двери: «Твоя дочь Кейт будет здесь сегодня во второй половине дня». Под ней была прикреплена моя моментальная фотография, сделанная во время предыдущего визита. На снимке я смотрела прямо вперед с угрюмым видом: настоящий кандидат на доску объявлений «Разыскивается живым или мертвым». Я даже могла представить подпись: «Виновна в том, что бросила мать. Предлагается награда».

Несколько надписей, сделанных красным фломастером, были прикреплены к плите: «СТОЙ! НЕ ЗАЖИГАТЬ!» На всех шкафчиках виднелись надписи с описанием их содержимого: *тарелки, стаканы, крупа*. Рядом с телефоном на стене висел список имен и номеров. Еще там была записка: «НЕ НАБИРАТЬ 911 БЕЗ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ!» (Впоследствии я узнала от Рейвен, что моя мать звонила по номеру 911 несколько раз в день и спрашивала, в каком доме она находится, или же хотела узнать, где достать йогурт.)

Два года назад Мэгпай была котенком, которого подарили матери Рейвен и Опал. Сейчас кошка неторопливо вышла из студии и обвилась вокруг ноги моей матери, выписывая маленькие восьмерки, одно колечко за другим, – изящное черно-белое существо. Мать взяла кошку на руки, приласкала ее и отнесла к газовому холодильнику «Сервель».

– Что у нас на ланч?

– Ты уже позавтракала, Джин, – сказала Рейвен.

– Что я ела?

– Тосты с жареным сыром.

– А что на ужин?

– Ты только что поужинала. Гэбриэл принес тебе тушеное мясо с овощами.

– Я хочу есть, – жалобным детским голосом пропищала мать. Она бесцеремонно сбросила кошку на пол. – Так что у нас на ланч?

Рейвен проигнорировала этот вопрос. Она открыла банку консервов и вывалила содержимое в миску Мэгпай на кухонной стойке. Кошка с урчанием пританцовывала у ее ног. Тут мать быстро наклонилась и ткнулась лицом в кошачью миску. Она вцепилась в тунца и откусила хороший кусок, прежде чем Рейвен оттащила ее.

– Я сделаю тебе сэндвич, Джин. А теперь иди и сядь. – В ее голосе звучали резкие, почти враждебные нотки, и это стало для меня неожиданностью. Она ухватилась за стойку и с шумом выдохнула.

Мать повернулась ко мне.

– Они морят меня голодом, – сказала она. Я молча смотрела на нее. К ее лицу прилипли кусочки тунца.

– Я тебя знаю, – с улыбкой добавила она.

У меня разболелся живот. Я боролась с желанием выбежать на улицу, с дикой скоростью перебирая ногами, как персонаж мультфильма, запрыгнуть в автомобиль, взятый напрокат, и сесть на ближайший самолет до Сиэтла. Я годами не видела мать, но знала ее как умную, находчивую и горделивую женщину. Теперь это был совсем другой человек. Казалось, моя мать куда-то исчезла без моего ведома, не предупредив о своем уходе. Я подумала, что она проделала со мной такой же фокус, какой и я проделала с ней. Счет сравнялся.

Немного позднее, когда мать доела сэндвич, мы с Рейвен уложили ее в постель, а потом устроились на диване в гостиной. Мне хотелось выпить чего-нибудь покрепче, но я знала, что в доме ничего нет. Моя мать никогда не любила спиртное. *«Кэт, я никак не пойму, зачем тебе хочется глушить свои чувства и Богом данный разум с помощью этого пойла».*

Рейвен достала спичечный коробок и зажгла масляные лампы. Как и в типи, свет исходил от свечей и масляных ламп, тепло – от дровяной плиты, а воду приносили из колодца у большого амбара в ведрах и галлонных банках. Когда ей нужно было помыться, она пользовалась ванной в большом амбаре. Это был независимый образ жизни, выбранный моей матерью, когда она *была* самодостаточным человеком. Это была жизнь, которую я хорошо помнила, даже спустя много лет. И я была уверена, что это послужило причиной моего пристрастия к бытовым устройствам, которыми был наполнен мой дом в Сиэтле: блендер, кухонный комбайн, микроволновая плита, кофемолка, кофеварка, электрическая открывалка для консервов, мультиварка, электрическая зубная щетка, яркие галогеновые трековые светильники, освещавшие каждый уголок.

Рейвен порылась в своей кожаной наплечной сумке, словно волшебница, ищущая заклинание, и вручила мне большое металлическое кольцо с ключами. Она показала мне, как они запирали мою мать по ночам в спальне на латунный навесной замок.

– О, Господи, – сказала я. – Она что, беглая преступница?

Рейвен объяснила, что если мы не будем этого делать, то мать может куда-нибудь уйти и заблудиться. По ночам ей становилось хуже. Днем моя мать хотя бы что-то соображала. Рейвен пообещала, что утром я увижу, как она изменится за ночь.

Другой ключ предназначался для запертой коробки на холодильнике, где хранились лекарства, прописанные доктором Кроуфордом за последние несколько месяцев: лоразепам, галоперидол, амбиен и тюбик с мазью от ожогов. Рейвен объяснила, что ей не нравился эффект от этих таблеток, они как будто одурманивали мать. Я старалась не закатывать глаза: а как она думала, для чего предназначены эти лекарства? Для душевного спокойствия? Она сказала, что до сих пор они давали ей таблетки только в особенно плохие моменты, но после пожара подумали о том, что, возможно, стоит увеличить дозировку. В большинстве случаев они обходились лишь домашними настойками Гэбриэла: настоем для улучшения памяти из гинкго, которую Рейвен добавляла в чай два раза в день. На ночь она давала матери отвар из корня валерианы. При мысли об этом у меня появилась горечь во рту, и я мысленно пообещала не подвергать свою мать такой ботанической пытке.

– Сейчас мы тщательно выполняем предписания доктора Кроуфорда, – сообщила Рейвен. – Пусть уж лучше она будет одурманенной, лишь бы не случилось новой беды.

Я согласно кивнула и взяла на заметку, что нужно как можно скорее проконсультироваться с геронтологом. Не то чтобы я не доверяла городскому врачу, но моя мать принимала сильнодействующие препараты, и я задавалась вопросом, насколько хорошо отслеживалось их воздействие на ее организм.

Еще был ключ от кухонного ящика с навесным замком, где хранились ножи, ножницы, пилка для ногтей и спички.

– Никогда не давайте ей спички, – настоятельно посоветовала Рейвен, как будто повязки на руках матери не были достаточно ясным предупреждением.

– Хорошо, – отозвалась я и снова представила обезумевшую мать с пеной у рта, выпускающую огненные стрелы с кончиков пальцев. Я потрясла головой, чтобы избавиться от этого кошмарного образа.

Рейвен продолжала описание ежедневных процедур: разбудить мою мать, умыться и одеть ее, вынести ночной горшок, сменить повязки, потом завтрак, прогулка, ланч, дневной сон и прием таблеток. Должно быть, я выглядела немного ошарашенной.

– Я знаю, что это большая нагрузка. И понимаю, как вы были потрясены, когда увидели ее в таком состоянии. Но даже сказать не могу, как я рада, что вы здесь. И Гэбриэл тоже. Мы просто больше не могли этим заниматься, особенно теперь, когда наступает зима. Ей нельзя оставаться одной. Только не здесь. – Она обвела комнату взглядом и беспомощным жестом указала на дровяную плиту и масляные лампы, подвешенные к потолку. – Посмотрим, что вы скажете через несколько дней. Боже, я так рада, что вы приехали!

Тут она обняла меня. Женщина, которую я едва знала и которая училась во втором классе, когда я уехала из города, обвила меня руками и прижала к себе. Я была ее спасательным кругом. Я была той, кто придет и приведет все в порядок, даже если это означало, что моя мать отправится в дом престарелых. Ее объятие выдавило весь воздух из моих легких. Отлично, подумала я, спасательный круг окончательно сдулся.

Первое, что я сделала после ухода Рейвен, – отперла замок на двери материнской спальни. Я не собиралась быть ее тюремщицей... по крайней мере, пока не собиралась. Я перебрала ключи на большом кольце, чувствуя себя помощником шерифа из старого вестерна. *«Ты свободен, партнер. Только постарайся убраться из города до заката».*

Я заглянула в комнату и увидела мать, крепко спавшую на кровати с латунными шпешечками. Заводные часы громко тикали на ночном столике рядом с ней. Стрелки отливали фосфорным светом. Всего лишь восемь часов вечера, или пять вечера в Сиэтле. Джейми скоро вернется домой с работы. Тина, Энн или другая его подруга будет ждать в его квартире: обед в духовке, белое вино в холодильнике. Я гадала, как он подсчитывал количество своих девушек каждый месяц, а иногда каждую неделю. Наверное, помечал в календаре и делал записи. С горьким любопытством я вспоминала его привычку вести каталожные карточки. Он держал целые стопки таких карточек в своем офисе, в бардачке автомобиля, рядом с кроватью. Он совал их в карманы рубашек и пиджаков и постоянно писал на них короткие заметки для самого себя. Он перекладывал их из одного кармана в другой или запихивал между страницами журнала: напоминания о том, что нужно забрать вещи из химчистки, посмотреть книгу, о которой он слышал по радио. Вероятно, теперь он пользовался карточками для архивных записей о девушках. *«Саша – рыжая, с шрамом после удаления аппендикса. Любит мартини, не любит собак».* Я мысленно рассмеялась, когда представила, как карточка однажды выпадет из кармана его блейзера, когда другая девушка заберет одежду из химчистки.

Я отнесла лампу в бывшую художественную студию матери, где в углу стояла раскладная кровать с высокой стопкой одеял наверху. Потом я вкатила туда свой черный чемодан, а Мэгпай последовала за мной. Кошка наклонила голову и наблюдала, как я разбираю белье, носки и футболки и складываю их в обшарпанный деревянный комод, несомненно, принадлежавший давно ушедшему обитателю Нью-Хоупа. В туалетной сумочке я наткнулась на швейцарский армейский нож, он лежал рядом со скрабом из авокадо и шампунем с маслом чайного дерева; я сунула его туда в последнюю минуту, когда до меня дошло, что его не разрешат пронести на борт самолета. Пожалуй, я использовала его только для открывания бутылок вина и нарезки сыра на импровизированных пикниках, но мне нравится быть готовой ко всему. Я было решила положить нож в ящик с острыми предметами на кухне, но в

конце концов сунула его в боковой карман сумочки, где он обычно лежал, – ведь эту вещь я всегда держала при себе.

Внезапно меня одолела усталость. Не из-за распаковки чемодана, а из-за всего, что я увидела сегодня вечером. Из-за моего возвращения. Меня угнетало ощущение вины из-за того, что жизнь моей матери постепенно ускользнула от нее, пока я тщательно обустроивала свой маленький мирок в Сиэтле, вместе с электроприборами и галогеновыми светильниками. Я оставалась в блаженном неведении, полагая, что все не так уж и плохо, что Рейвен просто преувеличивает, когда мы разговариваем по телефону.

Я поставила масляную лампу на прикроватный столик и легла на кровать, чтобы немного отдохнуть. Мэгпай присоединилась ко мне, мурлыча, как газонокосилка. Мои мысли разбредались, но есть и спать совсем не хотелось. Мне не составляло труда вообразить бессонную ночь и утро с тяжелой головой и припухшими глазами. На самом деле мне нужно было выпить чего-нибудь горячего, предпочтительно с ромом и специями. Потом я вспомнила о запертой коробке с лекарствами на кухне и отправилась туда, позвякивая ключами. У меня нет привычки регулярно баловаться сильнодействующими средствами, но маленькая таблетка амбиена никому не повредит. Для верности я приняла две штуки.

Ожидая, пока лекарство подействует, я рассматривала картины моей матери, поблескивавшие в свете лампы. В основном это были натюрморты, но один холст остался незавершенным: миска с фруктами в строгих оттенках серого. Это был подмалевок, – сцена, лишенная цвета, – лишь намек на будущую картину.

Глава 3

Конец апреля 1971 года

В пятом классе водителем нашего автобуса был Рон Макензи – настоящий бульдог с толстой шеей и бдительными глазками-бусинами. Он всегда носил черную вязаную шапочку и шевелил челюстями за рулем с таким видом, будто жевал свой язык. Глядя на него, можно было подумать, что он всю жизнь водил школьные автобусы, но на самом деле он когда-то работал в НАСА. Он рассказывал об этом новым ученикам на своем маршруте, давая понять, что мог летать в космос или учиться на астронавта; только под нажимом он признавался, что управлял грузовиками и подъемниками, а не лунными модулями. Он развозил части ракет. Рон Макензи прикасался к металлу, который улетал в космос. Он вернулся домой в Вермонт с мыса Канаверал из-за того, что мать его жены тяжело заболела, и там стал водить автобусы и работать в городском гараже.

Когда Рон пребывал в хорошем настроении, он называл нас синичками. Когда он сердился или кто-нибудь из детей досаждал ему, мы становились мартышками, и, судя по его тону, мартышки явно были для него низшими существами.

– Ну все, мартышки, вы меня достали! – цедил он сквозь зубы, когда в автобусе становилось слишком шумно или дети начинали меняться местами во время движения.

Мы с Дел каждое утро поджидали автобус Рона у подножия холма, возле ее почтового ящика. Трое ее братьев уезжали на более раннем автобусе, который возил их в Брук-Скул, где учились ребята с шестого по двенадцатый класс. Нику, который убил ворону, было четырнадцать лет. Его семнадцатилетние братья-близнецы Стиви и Джо оканчивали среднюю школу. Мортю было девятнадцать лет. Он так и не доучился в школе и по-прежнему жил дома, помогая отцу на ферме. Другие братья – Роджер, Майрон и Эрл – обосновались в Новом Ханаане или в окрестностях. Эрл, старший из братьев, женился, и двое его детей были немного младше, чем Дел.

Стиви и Джо держались отдельно и не проявляли интереса к Дел. Когда они не занимались мелкими домашними делами, то работали над гоночным автомобилем, на котором собирались участвовать в гонках на Тандер-роуд. У них были подружки – прыщавые толстухи, которые любили сидеть в красном автомобиле, расчесывать волосы и курить сигареты, выпуская дым из ноздрей, под стук грязных гаечных ключей и автомобильных деталей, доносившихся снизу. Иногда они носились по городу на бешеной скорости, визжа покрышками на поворотах. Иногда я видела их вчетвером в автомобиле или на заднем дворе Дел, где безобразные девицы валялись с сигаретами на бурой траве, пока Стиви и Джо возились под капотом.

Утром Дел приезжала в школу на автобусе Рона, но сразу же после ланча уезжала домой на автобусе из детского сада вместе с тремя другими детьми, учившимися по специальной программе. Думаю, в школе посчитали, что для детей с такими способностями половины учебного дня будет вполне достаточно.

Трое других детей, учившихся по специальной программе, были мальчиками. Тони Лаперль страдал синдромом Дауна. Арти Пэрису, как и Дел, было двенадцать лет; оба оставались на второй год. Он был большим нескладным парнем с пробивавшимися редкими усиками. Двенадцатилетний Майк Шейн был самым высоким и худым мальчиком в нашей школе. Он не мог говорить. Никто не знал почему, но ходило множество слухов. Наиболее правдоподобный состоял в том, что в раннем детстве он перенес некую болезнь, повредившую его голосовые связки. Майк ходил с бумажным блокнотом, висевшим на шнурке у него на шее, и общался с помощью записок.

На следующее утро после нашей первой встречи на поле, пока мы стояли и ждали автобуса, я заметила, что на Дел надета та же самая засаленная ковбойка. Но зато она надела чистые коричневые брюки клеш из рубчатого вельвета, перехваченные на узких бедрах толстым кожаным ремнем. Мне показалось, что брюки достались ей в наследство от одного из братьев. К ее рубашке была приколата шерифская звезда из серебристого металла.

Мы обе молчали. Я наблюдала и ждала, когда она заговорит. Мы месили грязь башмаками и смотрели на получавшиеся узоры. Я думала о вороне и о букве «М» на груди Дел, теперь прикрытой не только рубашкой, но и серебристой звездой. Перед тем как подъехал автобус, я подняла голову, заметила усмешку Дел, которая смотрела на меня, и поняла, что наша прошлая встреча все-таки случилась не в моем воображении. А когда я взглянула на ее сколотый зуб, то сразу же сообразила, что после школы вернусь к той вороне и посмотрю, что будет дальше.

Когда Рон открыл дверь, я первая поднялась в автобус, как бывало почти всегда, и заняла первое пустое место впереди, молясь о том, чтобы она не села рядом. Я безмолвно благодарила Бога, когда она прошла мимо и в одиночестве устроилась на заднем сиденье.

– Чую гнилую картошку, – прошептал один мальчик другому, когда она прошла мимо.

– Девочка-картошка, повоняй немножко! – гнусаво пропел другой.

Несмотря на строгое отношение к поведению в своем автобусе, Рон Макензи никогда не мешал другим детям дразнить Дел. Он лишь крепче обхватил руль и сильнее заработал челюстями, словно находился в замешательстве.

– Эй, Дел, как читается слово «картошка»? – поинтересовался первый мальчик, глядя на неграмотно написанную вывеску во дворе ее дома.

– Тупые не читают, тупые воняют, – отозвался другой.

А Дел знай себе смотрела в окно да широко ухмылялась, словно они подшучивали друг над другом, а вовсе не над ней.

В тот день я лишь дважды видела Дел в школе, как, впрочем, и в обычные дни: на утренней перемене и на ланче. Во время утренней перемены я лазала по изогнутой гимнастической лесенке, когда Дел подошла к клену, растущему на краю спортплощадки. Как обычно, она была одна. Она что-то пробурчала себе под нос; должно быть, что-то забавное, потому что потом она рассмеялась. Я с любопытством смотрела, как она отломил веточку с одного из нижних сучьев и притворилась, будто курит сигарету. Арти, здоровый парень из группы отстающих, подошел к ней с двумя приятелями из пятого класса.

– Что там у тебя, Дел? – осведомился он. – Табачку не найдется?

Дел продолжала «курить», делая вид, что не слышит. Она запрокинула голову и уставилась на ветви с только что распустившимися зелеными листьями. Я забралась на верхушку лестницы, чтобы лучше видеть. Рядом со мной играли две другие девочки, Саманта Ланкастер и Элли Буши. Они зашептались и захихикали, когда я улыбнулась им. Они были лучшими подругами и носили одинаковые косы и розовые ветровки. Обе считались хорошими ученицами, окруженными аурой «нормальности» и уверенности в себе; их первыми отбирали в любую команду, а на Валентинов день они получали больше всего открыток. Я вернулась к наблюдению за Дел, стараясь не обращать внимания на Элли и Саманту.

Возле дерева Арти все еще беседовал с Дел, немного раскачиваясь во время своего монолога, словно ему нужно было ускориться, чтобы слова вылетали наружу.

– Тебе кошка съела язык, девочка? Или ты теперь немая, как Майк? Немой Майк и Картофельная Девочка. Что за пара! Я видел, как вы обмениваетесь записками в классе. Любовные послания, да? Пожалуй, вам нужно пожениться и завести грязных немых деток. Будете кормить их гнилой картошкой. Ты об этом задумалась, а, Дел?

Дел промолчала и только затянулась своей «сигаретой», а потом выдохнула невидимые колечки дыма, по-прежнему глядя на верхние ветви клена. Когда она отклонилась назад, шерифский значок поймал солнечный луч и засиял, как настоящая звезда. Я вспомнила рассказы Ленивого Лося о талисманах и подумала, что, может быть, эта серебристая звезда была талисманом Дел.

– Кстати, а где Немой Майк? – громко поинтересовался Арти. Он приставил ладонь козырьком ко лбу и обвел взглядом спортплощадку, словно генерал, озирающий поле боя. Потом он заметил Майка.

– Томми, приведи его сюда, – распорядился Арти, и Томми Дюкетт, самый толстый мальчишка в пятом классе, поплелся за бедным Майком. К тому времени, когда Томми приволок Майка к клену, возле них образовался кружок любопытных детей, включая двух девочек, которые играли под лесенкой. Я спустилась и подошла поближе. Саманта что-то прошептала Элли, которая обернулась, посмотрела на меня и немного покраснела.

– Вот и наш немой. – Арти ухмыльнулся. – Это твой миленок, Дел!

Майк Шейн был тощим, как зубочистка, но на голову выше остальных мальчишек. Его запястья и лодыжки торчали из рукавов и штанин. Блокнот на спирали болтался на шее, подвязанный красной шерстяной ниткой. Майк опустил голову и как будто изучал резиновые мыски своих поношенных кед.

Раньше мне приходилось наблюдать за Майком Шейном. Как и мы с Дел, он большей частью предпочитал находиться в одиночестве. Но я видела, как на перемене он играет в крестики-нолики с Тони Лаперлем, – тем, кто страдал синдромом Дауна, – и, судя по тому, что я заметила, Майк каждый раз позволял Тони выигрывать у него. Как и Арти, я не раз наблюдала, что время от времени он передает Дел записки, а иногда она наклонялась и что-то шептала ему на ухо, отчего он улыбался и отводил глаза.

– Теперь мы вас поженим, – объявил Арти. – Ну-ка, встаньте рядом!

Томми толкнул Майка, тот дрожащей стрункой вытянулся рядом с Дел, почти прикасаясь к ней, а она по-прежнему продолжала изображать из себя гламурную кинозвезду, манерничающую с сигаретой.

– Дел по прозвищу Картофельная Девочка, согласна ли ты, чтобы Немой Майк был твоим мужем в радости и в горести, в здравии и в болезни, пока смерть не разлучит вас?

Дел выдохнула «дым» ему в лицо.

– Это значит «да». Ну конечно, да. Теперь ты, Немой Майк: согласен ли ты, чтобы эта грязная Картофельная Девочка была твоей вонючей женой? Тебе не нужно писать это в своей уродской книжке.

Майк Шейн кивнул, по-прежнему уставившись в землю и дрожа всем телом, словно загнанный заяц.

– Отныне объявляю вас мужем и женой. Теперь поцелуй невесту, – велел Арти.

Майк наконец поднял голову; в его широко распахнутых карих глазах застыл ужас. А Дел все улыбалась. Майк попытался убежать, но Арти и Томми остановили его и подтолкнули к девочке. Он издавал мычащие звуки, словно животное, которое пытается заговорить. По его подбородку текла слюна. Двое здоровых мальчишек снова пихнули его к Дел, продолжавшей стоять на месте. Она уронила «сигарету», растерла ее носком башмака, потом наклонилась и поцеловала Майка в губы. Это был долгий поцелуй в стиле мыльной оперы, и когда Дел оттолкнула Майка, его лицо было уже не бледным, а багрово-красным. Дети вокруг визжали, смеялись и восклицали «Круто!».

– Фу, картофельные микробы! – Элли скорчила гримасу.

– Хуже вшей, – добавила Саманта.

– Бедный Майк, – посочувствовал один из мальчишек.

– Они стоят друг друга, – отозвался другой.

Общее веселье прервала мисс Джонстон, которая подошла к нам и велела объяснить, что происходит.

– Мы играли в ковбоев, – сказала Дел. – А я шериф, – с улыбкой добавила она и указала на свой блестящий значок.

– Почему ты позволила им сделать это? – спросила я потом, когда встретилась с Дел у мертвой вороны.

– Что?

– То, как они дразнили вас с Майком. Почему ты поцеловала его? Это было не обязательно.

– А что мне оставалось? – фыркнула она.

– Побегать за мисс Джонстон. Позвать на помощь. Что угодно.

– Ну да, – буркнула Дел.

– Ты могла бы попробовать.

– Это было не так уж плохо.

– На что это было похоже?

– Что именно?

– Поцеловать Майка Шейна?

– Наверное, как поцеловать любого другого парня.

– А ты многих целовала?

Дел небрежно пожала плечами и закатала рукава рубашки. Левое предплечье было покрыто лиловыми синяками, которых я вчера не видела.

– Достаточно многих.

С этими словами Дел устремилась к пастбищу, где бродил ее пони, растопырив пальцы как револьверные стволы и расстреливая все на своем пути.

– Я – Уайетт Эрп!⁷ – вопила она. – Сюда, плохие парни! Давай, помощник шерифа! Догоните меня, если сможете!

И я помчалась за Дел через сад и мимо лошадиной изгороди, тоже стреляя из пальцев и крича на ходу: «Догоните меня, если сможете!» Я пробежала мимо свиного загона, держась подальше от забора и не замедляя шага, чтобы полюбоваться на свиные зубы. Мы остановились только у овощного погреба, где, по словам Дел, происходило ограбление банка. Там мы достали револьверы и распахнули дверь в надежде застигнуть грабителей на месте преступления.

– Стреляй в них! – крикнула Дел.

– В кого стрелять? – осведомился скрипучий голос у нас за спиной.

Мы повернулись и увидели Ника, брата Дел. Он держал в руках настоящее помповое ружье, – возможно, то самое, из которого он убил злополучную ворону, подвешенную на поле.

Внезапно Дел перестала изображать Уайетта Эрпа.

– Возьми нас пострелять, Никки, – тут же заняла она, ухватив его за белую футболку и тиская ткань между пальцами.

– Не выйдет, Дел. – Парень обращался к сестре, но при этом смотрел на меня с хитровой сальной ухмылкой. Он был долговязым и загорелым. Его длинные руки выглядели невероятно темными по сравнению с белой футболкой. Он носил заляпанные синие джинсы и те же самые огромные рабочие ботинки, которые я видела вчера. Его лицо казалось высеченным из экзотического темного дерева.

---

⁷ Уайетт Эрп (1848–1929) – охотник, шериф, картежник, спекулянт, мелкий политик и человек большой души, один из любимых персонажей американского Дикого Запада.

- Возьми нас с собой, не то я расскажу папе... сам знаешь, о чем, – пригрозила Дел.
- Ерунда. Я расскажу папе, что к тебе приходит подруга.
- Возьми нас, или я расскажу ему, Никки. Клянусь!
- Ни за что. – Ник вырвал футболку из пальцев Дел и побежал через поле.
- Грабитель банка убегает! – воскликнула Дел. – Остановим его! Думаю, это Билли Кид!⁸

Мы пустились вдогонку за Ником, преследуя его через сад и поле зеленого горошка до самого леса и тропы, по которой я возвращалась домой. Казалось, он собирается привести нас прямо в Нью-Хоуп, но он свернул налево по заросшей тропинке, которую я раньше не замечала. Тропинка петляла в густо разросшихся кустах, похожих на джунгли, но в конце концов привела нас на поляну. В центре травянистой прогалины стояла маленькая скособоченная хижина, словно из сказки: домик ведьмы или место сбора для троллей.

Ник наклонился и уперся ладонями в колени, тяжело дыша. Ружье валялось в сорняках у его ног.

– Сдавайся, Билли! – пропела Дел, когда ворвалась на поляну и указала «заряженными» пальцами на своего брата. Ее волосы прилипли ко лбу, а слова звучали неразборчиво.

Ник поднял длинные руки и улыбнулся. Его футболка промокла от пота и прилипла к узкой груди.

– Что это за место? – спросила я, когда перевела дух.

– Когда-то здесь была стоянка для охотников на оленей, – ответил Ник. – Ее построил дед, а папа все просрал.

Хижина была маленькой, примерно двенадцать на пятнадцать футов, и больше напоминала игрушечный домик, чем место для ночевки крепких мужчин. Она опасно накренилась влево и в любую минуту как будто была готова рухнуть. Домик был сложен из грубо отесанных бревен с кусочками коры. Деревянная крыша казалась прогнившей и заросла черно-зеленым мхом.

– Хотите посмотреть, что внутри? – спросил Ник, глядя на меня.

– А это не опасно? – поинтересовалась я.

Дел фыркнула и шмыгнула внутрь.

– Все нормально, – ответил Ник. Он поднял ружье и вошел в проем без двери. Я последовала за ним.

В хижине пахло гнилым деревом, мышами и плесенью. Так пахнут забытые вещи. В доме была пузатая железная плита, рваный голубой диван, кофейный столик и четыре койки, придвинутые к стенам. Приставная лестница в дальнем конце, рядом с плитой, вела на чердак. Ник сунул ружье под мышку и полез на лестницу. Когда он оказался наверху, то с улыбкой посмотрел вниз:

– Вы идете?

Я начала подниматься по лестнице, а Дел продолжала возиться у плиты.

На чердаке большую часть дощатого пола занимал матрас. Повсюду валялись огарки, на полу стояла масляная лампа с закопченным стеклом, лежали коробка спичек, сигареты и стопка порножурналов. На журналах я заметила маленький нож с фальшивой костяной рукояткой из пластика в кожаных ножнах. Ник сел на скрипучий матрас и закурил сигарету.

– Хватит возиться с проклятой плитой! – прокричал он, обращаясь к Дел. – Здесь тепло!

Дел забралась наверх и состроила брату кислую рожицу.

– Дай мне одну, – требовательно попросила она, и Ник протянул ей сигарету. Он предложил и мне, но я покачала головой. Дел зажгла спичку и закурила, как будто это было самой

---

⁸ Уильям Генри Маккарти – американский преступник второй половины XIX века, известен под прозвищем Билли Кид. Также был известен под псевдонимами Генри Антрим и Уильям Гаррисон Бонни. (Прим. ред.)

обычной вещью, которую она делала каждый день. Она даже выдохнула колечки дыма, вроде тех невидимых, которые я сегодня утром видела на спортплощадке. Потом она с улыбкой выдохнула струйку дыма мне в лицо.

– Ты назовешь свое имя или мне придется угадывать? – спросил меня Ник.

– Она мой заместитель, – сказала Дел. – Она присягнула на верность мне одной.

– А у заместителя есть имя? – спросил Ник, сделав глубокую затяжку.

Дел перевела взгляд с меня на своего брата, потом обратно.

– Ее зовут Роза. Пустынная Роза.

– Черта с два. Розовый – это тупой цвет, в который ты захотела покрасить свою комнату, и попросила об этом папу.

Бледное лицо Дел залилось краской.

– Если я говорю, что она Пустынная Роза, так оно и есть!

Ник поморщился, как от зубной боли, а потом расплылся в улыбке.

– Ну, хорошо. Рад познакомиться, Пустынная Роза. – Он протянул руку с длинными темными пальцами и аккуратно пожал мою руку. Моя ладонь была липкой от пота. Его ладонь была сухой, как порох.

Когда они потушили окурки в банке из-под тунца, мы вышли наружу, и Ник показал нам, как пользоваться помповым ружьем. Мы стреляли по пивным банкам, расставленным на пнях. Ник стоял за мной и клал руки мне на плечи, когда показывал, как нужно держать ружье и прицеливаться. Раньше я никогда не стреляла из ружья, но каждый раз попадала точно в цель. Ник сказал, что я прирожденный стрелок. От него пахло опилками, сеном и сигаретами. Я ощущала теплую близость его тела. Дел устала ждать своей очереди и принялась бросать камешки, сбивая банки до того, как мы успевали выстрелить.

Потом мы вернулись в хижину, и я выкурила свою первую сигарету. Я кашляла и хрипела, уверенная в том, что сейчас умру, а Ник и Дел смеялись и подшучивали надо мной, пока я не научилась не глотать дым, но удерживать его во рту и понемногу выпускать наружу. Дел учила меня выдувать колечки; я пыталась подражать ей и округляла губы, словно задохнувшаяся рыбка, но у меня получались жалкие бесформенные шарики. Между тем Ник бросал ножик с пластиковой ручкой в мишень для игры в дартс, прибитую к стене. Ему ни разу не удалось попасть в центр.

Через некоторое время Ник сказал, что ему нужно закончить кое-какие дела, и оставил нас одних.

– Что это с твоей рукой? – спросила я у Дел, разглядывая кружок из багровых синяков.

– Ничего, – ответила она, опустила рукав желтой рубашки и взяла нож. Она сделала несколько бросков, каждый раз попадая точно в центр мишени, а потом повернулась ко мне и заявила: – У меня есть идея.

Я ощутила волнующее предчувствие опасности. Оно складывалось из многих вещей: покосившейся хижины, где мы находились; пружин, выглядывавших из драного матраса; глухого стука, с которым нож входил в стену; колечек дыма, вылетающих изо рта Дел и растворявшихся в воздухе, оставляя после себя лишь запах табака.

– Дай мне руку, – велела Дел.

Я подчинилась. Она взяла мою руку и осмотрела ее, словно незнакомую раненую зверушку. В другой руке она сжимала нож.

– Закрой глаза, – попросила она.

– Ты собираешься порезать меня?

– Верь мне, – сказала Дел. – Давай же, закрывай глаза, – подзадорила она, и я подчинилась, не желая показаться испуганной.

Она резанула быстро и без колебаний. Я распахнула глаза и попыталась вырвать руку, но она крепко держала меня.

– Ох! Какого черта?

Дел отпустила мою руку. Порез на моем указательном пальце был коротким, но глубоким. Кровь капала на матрас.

Я смотрела, как Дел быстро и уверенно делает над-рез на своем указательном пальце. Потом она взяла мою руку и приложила свой порезанный палец к моему.

– Теперь мы кровные сестры, – объяснила она. – У тебя есть моя кровь, а у меня твоя. Навсегда.

Мой палец жгло, как огнем. Теперь Дел стала частью меня, и я знала, что, какой бы оборот ни приняла наша дружба, обратной дороги не будет. Никогда. Как бы я потом ни старалась жить отдельно, мы с Дел оставались связанными друг с другом.

Глава 4

8 ноября 2002 года

– Кэти! Кузнечик, где ты!

Голос матери вырвал меня из объятий глубокого и беспокойного медикаментозного сна. Во рту ощущался металлический привкус. Я посмотрела на дорожный будильник, стоявший на коробке из-под молока рядом с кроватью. Было семь утра, но казалось, что я проснулась посреди ночи. Мне снилось, что мы с Дел находимся в ее овощном погребе, и она делает мне татуировку, выводя слова «Пустынная Роза» у меня на груди ржавым острием своей шерифской звезды. Там был кто-то еще, – мужчина, наблюдавший за нами. Он стоял в углу, и я не видела его лицо.

Я все еще лежала на койке и вдруг испытала абсурдное ощущение, что если повернусь достаточно быстро, то увижу его, как будто он всю ночь пробыл в моей комнате. Но это был только сон, верно? Тогда почему я так боялась повернуться?

Мэгпай свернулась у меня на животе, спрятав нос под белым кончиком хвоста, и мне не хотелось нарушать ее уютный покой. Я сосчитала до трех и посмотрела в дальний угол. Ничего. Только пылинки, танцующие в лучах солнца.

– Больше никаких снотворных таблеток, – прошептала я себе под нос.

Мать назвала меня Кузнечиком, так она не называла меня после отъезда в колледж. Я вылезла из-под одеяла и босиком пошлепала на кухню. Мэгпай последовала за мной.

Все шкафчики на кухне были распахнуты, ящики выдвинуты, дверь холодильника приоткрыта. На столешницах выстроились миски, пакеты муки и сахара, банки с медом и патокой.

Ураган «Джин» нанес удар.

Открытая бутылка оливкового масла лежала на столе, и густая жидкость капала на пол. Мэгпай прыг-нула прямо в лужицу и принялась изящно лакать его, двигаясь по кругу и оставляя маслянистые отпечатки лап на полированном деревянном полу.

Я помнила, какое сильное впечатление на меня произвели аккуратность и практичность этой небольшой кухни, когда я впервые увидела ее два года назад. Если бы женщина, кропотливо продумавшая и обустроившая свою кухню, увидела бы сейчас этот кавардак, она бы не удержалась от слез.

– Что ты делаешь, ма? – Я была в равной степени поражена беспорядком и тем, что она помнила мое детское прозвище.

– Готовлю оладьи! Оладьи с клубникой!

Когда-то это было мое любимое лакомство; мама готовила их для меня утром по субботам в нашем типе, на старой походной плите. Судя по всему, она все-таки не совсем лишилась памяти.

Я заглянула в миску для теста, которое она собралась замешивать деревянной ложкой, неуклюже зажатой в перевязанной руке. Бинт был грязным и частично размотался. В миске лежало с полдюжины яиц (вместе с кусочками скорлупы), горка муки, кучка клубники (ягоды еще не разморозились), и все это было полито кленовым сиропом. Подвиньтесь, Джулия Чайлд⁹.

– Яйца кончились, – сказала она, когда начала размешивать тесто. – Нужно сбежать к Гризуолдам.

– Ма, Гризуолды здесь больше не живут.

– Разве?

---

⁹ Джулия Чайлд (1912–2004) – американский шеф-повар французской кухни и популярная телеведущая.

– Да, мама, уже давно.

Мистер Гризуолд умер десять или одиннадцать лет назад от сердечного приступа. Его сыновья разъехались по миру.

– У нас кончились яйца, – снова повторила мать.

– Я кое-что придумала. Давай здесь уберемся и съездим в город за яйцами. А потом вернемся и приготовим оладьи.

– Все-таки придется идти к Гризуолдам, – опять проговорила она, явно не намереваясь отрываться от миски с тестом. Я посмотрела на захламленный стол и, к своему ужасу, заметила нож для фруктов с черной ручкой, лежавший среди разбросанных ягод и просыпанной муки.

– Где ты это взяла, ма?

Мать улыбнулась, когда я взяла липкий нож, с которого капал красный сок.

– Нужно было порезать ягоды, – объяснила она.

Я сполоснула нож под краном, потом нашла ключ и заперла его в ящике с острыми предметами, гадая о том, какие еще сюрпризы моя мать прячет в доме... другие ножи, может быть, даже спички?

Я помогла матери сменить ночную рубашку, заляпанную маслом и мукой, на широкие брюки и джемпер, а потом разложила на кухонном столе все необходимое для смены повязок. Вскоре я обнаружила, что она испачкалась не только на кухне: на ее ночной рубашке и носках остались пятна, похожие на глину. Остатки бинтов на ее руках были покрыты грязью и кусочками сухих листьев. И показалось ли мне, что я вижу засохшую кровь под свежими пятнами от клубничного сока?

Я провела краткий осмотр и начала разворачивать грязные бинты.

– Мама, ты выходила ночью на улицу? Ты случайно не упала?

– Нам нужны яйца, Кузнечик.

Я решила, что буду запираť ее дверь по ночам, как советовала Рейвен. Можно считать, мне повезло, что мать нашла дорогу домой и, судя по быстрому осмотру, совсем не пострадала. Я представила, как она бродит по лесу в развевающейся белой рубашке, словно призрак из далекого прошлого Нью-Хоупа, пока я храпела, наглотавшись таблеток, и видела кошмарные сны. Оставалось лишь надеяться, что Рейвен, Опал и Гэбриэл не заметили ее. Это было бы не лучшее начало моего опекуства.

Я сняла остатки бинтов и осмотрела руки матери, аккуратно поворачивая их. Ее ладони были ярко-красными, с волдырями от ожогов. Некоторые из них прорвались и сочились прозрачной сукровицей. Я бережно промокнула их, нанесла мазь и стала менять бинты.

– Ты хороший доктор, – отметила она.

– Я не врач, а лишь медсестра, – напомнила я. – Школьная медсестра. Единственное лекарство, которое я прописываю, – это риталин.

– Ты ходила в медицинскую школу.

– Я так и не закончила ее.

– Почему?

– Я вышла замуж за Джейми.

– Ох... Джейми. Такой хороший мальчик. Где он?

– Остался в Сиэтле.

– А почему он не приехал?

– Мы развелись, мама. Помнишь? Мы уже несколько лет в разводе.

Внезапно мне захотелось, чтобы моя собственная память была похожа на швейцарский сыр. Было бы здорово, если бы мы могли как-то управлять своей памятью и выбирать, какие воспоминания можно оставить, а какие отправить в мусорную корзину. Пуф – и готово.

Мать с улыбкой смотрела на меня.

– Я тебя знаю, – сказала она, пока я забинтовывала ее руки.

– Мама, расскажи мне, как ты обожглась?

Она немного подумала.

– Был пожар?

– Верно. Расскажи мне о пожаре в типи.

– Из-за того пожара со мной случился инсульт. Теперь у меня проблемы с памятью.

– У тебя не было инсульта, ма. – *Но, наверное, он будет у меня, прежде чем все это закончится.*

– Инсульт из-за пожара. – Она энергично закивала.

– Мама, у тебя не было инсульта, но ты обожгла руки. – Я встала и начала складывать в коробку мазь, бинты и лейкопластырь.

– Она была там, – заявила мать, пока я стояла к ней спиной. Тон ее голоса испугал меня.

– Кто? – Я повернулась и посмотрела на нее. Она не ответила. – С тобой никого не было, ма. Рейвен и Опал уехали из дома, а Гэбриэл вытащил тебя из огня. Ты помнишь? – *Ты укусила его. Прокусила ему руку.*

Мать посмотрела на меня и перевела взгляд на забинтованные руки. Она улыбалась.

– Она была там. Она знает, кто ты такая.

– Куда мы поедем? – спросила моя мать, когда мы подошли к автомобилю.

– В город, за яйцами.

Она вроде бы удовлетворилась этим ответом и устроилась на пассажирском месте маленького синего автомобиля, который я взяла напрокат.

– Ремень безопасности, мама, – напомнила я. Она будто не слышала моих слов. Я потянулась, вытащила ремень и пристегнула ее.

– Куда мы поедем? – снова спросила она. Я повторила свой ответ.

– У Гризуолдов есть яйца, – сказала она. – Ленивому Лосю они не нравятся, потому что иногда в них попадается кровь, но это только потому, что они оплодотворенные.

По дороге в город мы проезжали старую ферму Гризуолдов. Я притормозила, когда увидела зеленые автомобили полиции штата, стоявшие на развороте вместе с фургоном службы новостей третьего канала. В поле за домом, ближе к опушке леса, я разглядела другие автомобили и белый автофургон. Все это зловеще напоминало события того дня, когда убили Дел. Моя мать смотрела прямо перед собой с довольной улыбкой на лице, не обращая внимания на суету вокруг.

Я остановилась на углу, где дорога на холм Булл-раш пересекалась с Рейлроуд-стрит. Перед тем как я уехала в колледж, там повесили знак «стоп».

Я посмотрела на фасад давно заброшенного дома Гризуолдов, напоминая себе о том, что Дел погибла тридцать один год назад, а не вчера.

Что за чертовщина здесь творится?

Я никогда не верила в загробную жизнь, но если бы мне пришлось выдумать для себя ад, это выглядело бы примерно так: я была бы вынуждена снова и снова переживать худшие моменты своей жизни, не в силах повлиять на исход событий.

– У Гризуолдов есть яйца, – оживленным тоном напомнила моя мать.

Дом заметно покосился, и последние остатки белой краски совсем облупились. Кусок фанеры с надписью «НЕ ВХОДИТЬ» заменил входную дверь. Навес с прилавком в переднем дворе давно обрушился, как и амбар за ним. Почтовый ящик был сбит, – возможно, снегоуборщиком или детьми, игравшими в почтальонов. За ящиком на ржавой цепи все еще болталась старая вывеска с выцветшими надписями «ЯЙЦА. СЕНО. СВИНИНА. КАРТОШКА».

Из-за дома вышел патрульный и посмотрел на наш автомобиль, стоявший на нейтральной передаче у знака «стоп». Я отвернулась, сосредоточившись на дороге перед собой, включила левый поворотный сигнал и слишком сильно выжала педаль газа. Покрышки слегка

взвизгнули, когда мы покатались по Рейлруд-стрит к центру города. Дань уважения Стиву, Джо и их гоночному автомобилю.

Я нашла место для стоянки перед универмагом «Хаскис». Рядом с магазином находилось старое кирпичное депо Нового Ханаана, сохранившееся с тех дней, когда между Уэллс-Ривер и Бэрром ходили железнодорожные составы, перевозившие древесину и пассажиров. Теперь вокзал превратился в антикварный магазин с аккуратной рукописной вывеской на двери: «Закрывается на зиму, до встречи весной!» Когда я была маленькой девочкой, магазином владела семья Миллеров. Они зарабатывали деньги на летних туристах и любителях природы, которые приезжали в городок каждую осень.

Я отстегнула у матери ремень безопасности и вместе с ней направилась в универмаг, где также находилось почтовое отделение Нового Ханаана. Джим Хаскуэй, дородный мужчина, которому принадлежал магазин, был городским почтмейстером и одновременно главой добровольческой пожарной команды. Это был настоящий старый универмаг с бакалейным отделом, витриной с оружием и боеприпасами, хорошим выбором инструментов и снаряжения для кемпинга и, разумеется, с обязательными бутылочками кленового сиропа и брелоками с надписью «Я ЛЮБЛЮ ВЕРМОНТ». Широкие сосновые доски поскрипывали под ногами, в углу горела угольная печка, а пожарный и полицейский сканер Джима время от времени выдавал статические шумы и слабые голоса, сообщавшие о последних катастрофах.

– Почему мы здесь? – спросила мать, с подозрением оглядываясь по сторонам.

– Мы приехали за яйцами, помнишь?

– У Гризуолдов есть яйца. Ленивому Лосю они не нравятся, потому что иногда в них попадает кровь... ох, гляди! Это же Джим Хаскуэй! – Она произнесла эти слова так же восхищенно и удивленно, как в тот раз, когда мы случайно встретились с ним в зоопарке Сан-Диего, а не в магазине по соседству, которым он владел уже более тридцати лет.

– Доброе утро, Джин! Как вы сегодня себя чувствуете? А мисс Кейт вернулась в город, да? – Джим подмигнул нам. Он стоял, облокотившись на стойку. Двое мужчин в клетчатых костюмах, стоявшие рядом с ним, приглушенно беседовали друг с другом. Они продолжили свой разговор, когда я отвела мать к холодильнику.

– Говорят, что тело находилось в таком же состоянии, как у той, другой девочки. Обнаженная и с такими же порезами, – сказал один.

– Все утро в лесу работали сыщики с собаками, – отозвался другой. – Приехал фургон с криминалистической лабораторией. Я слышал, что к расследованию подключилось ФБР.

– Патрульные первым делом забрали Ника, – сообщил Джим.

– Его долго не продержат, – отозвался мужчина пониже, более полный, чем другой. – Он пил у Фло до закрытия заведения. Потом поссорился с парнем из другого штата, который приехал в охотничий лагерь. Могу поспорить, что его запомнили все посетители. Это не он расправился с девушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.